Сверх отпущенного срока

Автор:
Екатерина Островская

Сверх отпущенного срока

Екатерина Островская

Актеру Алексею Дальскому в последнее время не везло. В театре он играл мало, в кино почти не снимался. Но новая роль изменила судьбу… Один из самых богатых людей страны, Максим Потапов, предложил Дальскому на пару месяцев стать его двойником, заменяя на второстепенных встречах. Сходство действительно было поразительным! Никто из близких людей не догадался о подмене, даже жена олигарха Светлана. Но Алексей больше смотрел не на нее, а на юную горничную Аню, которая очень удивилась, когда хозяин вдруг обратил на нее внимание… А потом случилось непредвиденное – машину с Потаповым и его начальником охраны взорвали, и Дальскому пришлось на самом деле возглавить принадлежащий олигарху концерн. Чтобы избежать гибели, он должен узнать, кто покушался на Потапова, и вернуть себе настоящее имя. Иначе он не сможет быть с Аней, а он уже не представлял своей жизни без нее…

Екатерина Островская

Сверх отпущенного срока

Татьяна Устинова

Рояль в кустах!

«Читая детектив, скажем, за завтраком, ко второй чашке кофе точно знаешь, кто убийца», – это придумал Рональд Нокс, создавший десять заповедей классического детектива. Известно также, что в романе не должно быть китайца, привидения, неизвестного яда и более чем одного потайного хода!..

Новая книга Екатерины Островской «Сверх отпущенного срока» не нарушает ни одного завета достопочтенного англичанина. И тем более невероятно, что вся история – совершеннейший рояль в кустах!..

А как иначе? Нас, читателей увлеченных, последнее время ничем не проймешь! Мы стали привередливы и слишком разборчивы. Тут автор «недожал», здесь «недокрутил», там «недостаточно запутал следы», да и вообще «не верю!»! Получите! Екатерина Островская разом заткнула нас, читателей, за пояс, написав новый невероятный детектив – «Сверх отпущенного срока»!

Как можно создать интересную и сложную детективную историю, построенную на совпадениях, да так, чтобы ни разу не дать маху? Я не могу вообразить, как в кристаллическую решетку железной логики уместить цепочку превосходно-неожиданных совпадений. А у Екатерины Островской это получается талантливо и почти что виртуозно. «Сверх отпущенного срока» – захватывающее, абсолютно новое чтение, способное удивить даже самого искушенного читателя.

Для меня совершенной неожиданностью явилось открытие, что роман «Сверх отпущенного срока» – на самом деле трогательная история про старых друзей и большую, странную семью, которая воссоединится несмотря ни на что! Мы-то с вами знаем, что Екатерина Островская мастер возвращать «надежду там, где надежды нет». Потому что герои ее детективов – обыкновенные живые люди, которым очень нужны друзья, семья и надежда.

А еще Екатерина Островская – большая выдумщица, интриганка и плутовка – не боится допущений и условностей. Если подобрать правильную дозировку, они действительно пойдут на пользу любому детективу! Ей удалось почувствовать, что хороший детектив – это не история про настоящее расследование взаправдашнего убийства, а всего лишь игра – увлекательная, запутанная, безусловно, опасная и очень азартная. И мы, благодарные читатели, верим в эту игру и, захлебываясь от восторга, сбивчиво пересказываем друг другу сюжетные перипетии новой книги.

Сейчас я как раз буду сбивчиво пересказывать сюжет. Ну, в двух словах! Когда актер Алексей Дальский, ветеран Чеченской войны, соглашается стать двойником олигарха Потапова, то и не подозревает, насколько опасной может оказаться эта странная и простая на первый взгляд работа. Лимузин Потапова взорван, сам олигарх погиб, и теперь Алексею придется как никогда убедительно играть свою роль, потому что это единственная возможность во всем разобраться, высвободиться из липкой паутины лжи и козней, угомонить разбушевавшегося злодея, который, как всегда, оказался не тем, за кого себя выдавал. И помощи Алексею ждать неоткуда! Разве что автор снова чего-нибудь выдумает!.. И Екатерина Островская выдумывает нам на радость!

В салоне микроавтобуса было накурено и душно. Привычный к подобной атмосфере водитель, позевывая, управлял автомобилем, никуда не торопясь, стараясь двигаться со скоростью потока. Впрочем, движение на трассе было не особенно плотным, а потому микроавтобус летел достаточно быстро, разбрызгивая снежную кашу. Трое пассажиров переговаривались негромко, перебрасываясь фразами лишь для того только, чтобы занять себя хоть чем-то на все время пути. Возле водителя сидела молодая женщина в слегка потертой лисьей шубке – вполне обаятельная и раскованная особа: еще не дама, но уже пытающаяся подчеркнуть свой статус – статус человека, уже кое-чего добившегося в жизни. На пассажирском сиденье расположилась пара – пятидесятилетний господин в новом пальто и девушка, держащая его под руку так бережно, словно надеялась удержать своего спутника, если вдруг случится крутой поворот или резкое торможение.

– Мы очень долго искали натуру, – объясняла господину в пальто женщина в лисьей шубке, – хотели найти тихое место, чтобы народу было поменьше и вообще…

– Чтобы на оцепление не тратиться, – кивнул ее собеседник, – а то, когда у нас кино снимают, каждый дурак пытается в кадр попасть…

– Не только поэтому, – возразила женщина, – просто по сценарию дело происходит в тихой деревне на берегу реки…

Микроавтобус сбросил скорость и, проехав немного, остановился.

– Кажись, приехали, – объявил водитель, – все три полосы забиты. Если ДТП, то это надолго…

– Там что-то горит, – негромко произнесла девушка, продолжая держать двумя руками рукав пальто своего спутника. А тот, приподнявшись немного, посмотрел через лобовое стекло.

– Изрядно дымит, – согласился обладатель нового пальто, – пока не погасят и завалы не разгребут, точно с места не тронемся.

– Какие завалы! – возразил водитель, – две-три машины столкнулись, – трасса-то скользкая… Сейчас их оттащат… Хотя вон сколько полиции и вообще…

Он недоговорил, потому что мимо микроавтобуса уже пробегали люди, стремящиеся поближе разглядеть то, что случилось на трассе, над которой уже зависал вертолет, выбирая место для посадки.

Водитель опустил стекло и высунул голову наружу. Наконец он увидел подошедшего ко впередистоящему автомобилю человека и обратился к нему:

– Что хоть случилось?

– Кого-то взорвали, – ответил тот, – лимузин какой-то на куски, две машины сопровождения всмятку, встречная фура под раздачу попала – в ней, говорят, тоже никто не выжил… Вспыхнула фура, как…

– А кто в лимузине был? – встрепенулся водитель.

Но его собеседник лишь пожал плечами.

– Никто ничего не объясняет. Но полиции там столько! Говорят, что все руководство МВД сейчас прилетит…

Водитель поднял стекло и обернулся к своим пассажирам:

– Ну, вы все слышали сами: так что стоять будем долго, если нас не развернут и не направят по встречке…

– Ужас какой! – вздохнула женщина в лисьей шубке.

– Узнать бы, кого грохнули, – вздохнул водитель и обвел взглядом пассажиров, словно ища их одобрение, – может, радио включить? Вдруг сообщат, кого и за что… Как-то не хочется в неведении сидеть. Если это взорвали того, о ком я подумал сейчас, то что получается тогда – новые выборы, что ли? Лично мне эти обещания светлой жизни уже надоели. Смотрю на их рожи в телевизоре, а они все ла-ла-ла… Лапшу вешают…

– Сеня, – прервала его рассуждения женщина в шубе, – ты уж поосторожней, что ли…

И посмотрела на господина в пальто.

– Пусть говорит, – кивнул тот, – мне до этого никакого дела нет: артисты каждой власти нужны. Театры никто никогда не закроет. Хотя, как говорится, весь мир – театр.

Господин в новом пальто посмотрел на девушку и, наклонившись, поцеловал ее в щеку. Потом погладил ее плечо и шепнул:

– Я вдруг ни с того ни с сего Лешку Дальского вспомнил. Как он там со своим чесом? Небось, сидит сейчас в клопами проеденном номере захудалой гостиницы, пьет кислое пиво или стирает носки в умывальнике и не ведает даже, какие дела нынче перед нашими глазами происходят… Сейчас бы мы с ним здесь! Зачем он вообще из театра ушел?

Часть 1

Глава 1

Алексей уже взялся за бронзовую ручку двери, но отпустил, застыв на пороге. Тяжелая дверь так и осталась полуоткрытой. На улице не было ничего интересного: две девочки лет четырнадцати стояли возле репертуарной афиши и поглядывали на приотворенный служебный вход театра. Вытягивая шеи, обе пытались рассмотреть того, кто должен появиться из полумрака на свет. Выходить расхотелось, и не потому, что Алексей понимал – поджидают не его, просто средь бела дня идти ему было некуда и незачем. Он притянул створку, но та поддалась не сразу, а посопротивлялась немного. Странно, Дальский только сейчас обратил внимание на эту особенность двери служебного входа, хотя служит в театре без малого одиннадцать сезонов.

За стеклом будки вахтеров вязала свитер семидесятилетняя Серафима Петровна, которую все обычно называли по имени – Сима. Не отрываясь от своего занятия, старушка произнесла:

– Ну, чего застрял? Ты уж или туда иди, или здесь оставайся, а то сквозняк мне устроил.

На лицо Алексея легла горькая усмешка. Когда тебе тыкает коллега, пусть даже совсем молоденький, это нормально: в театральном мире все братья, но когда тебя ни во что не ставит вахтерша, становится обидно. К тому же наводит на неприятные размышления.

– Поскольку ты тут еще, – добила его Сима, – почитай приказы, а потом распишись в журнале, что ознакомлен. Теперь все будете расписываться, директор приказал.

Алексей подошел к доске объявлений, ничего приятного для себя не ожидая: когда распределяют роли, почему-то всегда забывают, что есть в театре такой актер, как Дальский. Не первый год ему ничего не предлагают. Хорошо еще, сохраняют в репертуаре три старых постановки классических пьес и одну современную, про одинокую красивую девушку. В них он занят, пусть и во вторых составах, зато роли не самые маленькие. Хотя, как известно, маленьких ролей не бывает.

Взгляд пробежал по приказам и объявлениям. Непосредственно Алексея касалось лишь одно сообщение: «За систематическое нарушение трудового режима, выраженное в полном пренебрежении к репетиционному процессу,

объявить выговор…» Дальше шли фамилии прогульщиков: Карнович, Плотников, Семиухов. Но первой, конечно, стояла фамилия Дальского. Вероятно, он попал во главу этой банды по алфавиту.

Алексей попытался вспомнить, кто такие Плотников и Семиухов, но не смог. И обернулся к будке вахтерши. Сима склонилась над своим вязанием, из-за стойки торчала лишь ее седая макушка. Тогда Дальский сорвал приказ, скомкал и сжал листок в кулаке, продолжая как будто с интересом разглядывать информацию. Кое-что вызывало радостное недоумение – например, поздравление режиссера театра Вадима Карновича с пятидесятилетием и присвоением ему почетного звания заслуженного деятеля искусств. Удивительно: на одной доске Вадику и выговор, и поздравление.

Был там еще один замечательный приказ – в пункте первом актрису театра Викторию Соснину поздравляли с двадцатипятилетием и желали новых творческих достижений, а в пункте два награждали ее премией в размере месячной ставки. Для молоденькой актрисы такая премия разве что моральное поощрение – Вика не вылезала со съемочных площадок, на телеэкранах страны с утра до вечера шли сериалы с ее участием. В театре же она была занята всего в одной постановке – как раз в той про умную, скромную и красивую одинокую девушку, которая сидит в свой день рождения дома и страдает от отсутствия любви, а к ней приходят чередой разные знакомые, заставляя именинницу мучиться и страдать еще больше.

Дальский играет в этом спектакле роль пьяного гаишника, который заявляется в приличный дом в уличной форме со светоотражателями на рукавах и брючинах, садится за стол, достает из-за пазухи бутылку виски, делает затяжной глоток, морщится и произносит проникновенно: «Нет у меня с тобой будущего, Аня! У меня сегодня отобрали права. А ведь я любил тебя. Но не судьба, видно». В ходе действия персонаж допивает бутылку, пытается заснуть, уронив голову на стол, но потом к героине забегает лучшая подруга и уводит завидного жениха с собой.

От Сосниной даже на сцене за версту несет дорогими духами. Та актриса, что изображает лучшую подругу героини, однажды выволокла пьяного гаишника Дальского и, едва они оказались за кулисами, тут же начала материться на предмет того, что Вике надо вести себя скромнее, к тому же у некоторых может быть аллергия на «Мажи нуар»…

А это еще что такое среди объявлений и приказов?

«Дальский, собака, верни сто рублей!»

Алексей быстро сорвал бумажку, тоже скомкал и зажал в другом кулаке. Затем вернулся к стеклянному «скворечнику», в котором продолжала вязать свитер Сима. На стойке лежала раскрытая амбарная книга с разграфленными листами в клеточку. Алексей вписал свою фамилию и оставил свой росчерк, мол, ознакомлен с приказами.

– А теперь то, что сорвал со стены, верни на место, – приказала Сима, не поднимая глаз от будущего свитера.

– Это личное, – возразил Дальский, достал из кулака скомканную бумажку, разгладил ее и показал вахтерше.

– Кому же ты сто рублей должен? – поинтересовалась старушка. И сама же ответила: – Судя по почерку, Вадику Карновичу. Но ему можешь не возвращать, все равно он их пропьет.

– Да не должен я ему ничего! – попытался оправдаться Алексей. – Просто однажды…

– А что у тебя во втором кулаке? – прервала его Сима.

Дальский разжал пальцы и отдал комок вахтерше.

– Расправь и пришпандорь обратно на доску, – приказала старуха.

– Это тоже личное, – объяснил Алексей.

Сима начала разглаживать листок, потом перевернула его и замерла в недоумении: перед ней лежал чистый, хотя и мятый листок бумаги, на котором не было отпечатанного приказа. И вообще ничего не было.

– А где…

– Усе бы так трудились, как вы, Серафима Петровна. Давно пора усем так же, как вы… Сами усе прекрасно понимаете, невзирая на лица… тогда бы у нас усе было, а мы сами усе были бы у этой передовой позиции…

Данный монолог Дальский произнес голосом директора театра Долгополова. Вахтерша вздрогнула и оглянулась. Никого рядом с Алексеем не обнаружилось, и все равно Сима перешла на шепот:

– Талант! Ты один такой в театре, а другие – дураки тупые… Не переживай, у тебя все впереди еще.

– Кстати, а кто такие Плотников и Семиухов? – вспомнил Алексей.

– Семиухов – осветитель, Плотников – рабочий сцены.

– М-да, – расстроился Дальский, узнав, что его наказали одним приказом с осветителем и рабочим.

Он снова взялся за бронзовую ручку и тут услышал, как Сима произнесла вслед:

– Тут недавно позвонили и спросили, в театре ли ты. А я вспомнить не могла и дала им номер твоего мобильного. Подумала, вдруг с киностудии какой звонят?

Глава 2

Девочки по-прежнему стояли возле репертуарной тумбы. Когда Алексей приблизился к ним, школьницы вдруг встрепенулись и стали тыкать друг дружку острыми локотками.

«Неужели хотят у меня автограф попросить?» – удивился актер.

Одна из девочек шагнула навстречу.

– Вы не скажете, Виктория Соснина скоро освободится?

– Думаю, Вика ангажирована надолго, – вздохнул Дальский, – к тому же вряд ли сейчас находится в театре.

– А где же тогда? – поинтересовалась вторая девочка.

Алексей пожал плечами.

– Мало ли в России спонсоров.

Прозвучало глупо и зло. Неужели он позавидовал чужой популярности? Или разозлился от того, что старуха-вахтерша, увязшая в своем свитере и маразме, сказала, что у него все впереди?

– Кто это? – раздался за спиной Дальского девичий шепот.

– Тоже артист, он недавно в сериале олигарха играл. Его убили еще во второй серии, но дядька предварительно все деньги на жену перевел, и на нее начали охотиться. В роли жены, кстати, Соснина была. У нее красная спортивная машина, и…

Алексей уже не слушал.

«Ты один такой», – сказала Сима. Нет, неправда. Таких, как он, много, даже слишком много. Хотя в театральном училище Дальский оказался далеко не случайно.

Его отец был актером, и, по театральной традиции, Алексея должны были называть Алексей Дальский-младший. Или Алексей Дальский-второй. Но не называли. И даже не из-за того, что традиция канула в Лету, а потому лишь, что молодой Алексей Алексеевич Дальский как актер ничего из себя не представлял. В детстве, правда, снялся в нескольких фильмах, в тех, где участвовал отец. А позже отец же отвел сына в театральное училище, которое заканчивал сам и в котором теперь его бывший однокашник набирал свой собственный курс. Дальский-младший ничем не выделялся, разве что мог имитировать голоса, походку и манеры преподавателей. Умел, даже не открывая рта, изобразить любого человека достаточно узнаваемо.

Понятно, что телефонными розыгрышами Леша занимался постоянно. Однажды позвонил на вахту студенческого общежития и голосом ректора училища попросил позвать к телефону студентку второго курса Веронику Соснину. Старшая сестра будущей звезды слезоточивых российских сериалов оказалась девушкой наивной и очень доверчивой. Да и как тут было не поверить, когда народный артист и театральный бог басил в трубку:

– Милочка, не знаю, к кому и обратиться, но вдруг вспомнил ваш этюд на вступительных экзаменах, где вы изображали молодую тигрицу. И очень, я вам скажу, неплохо изобразили. Так вот, милочка, ко мне тут друзья должны нагрянуть, а в магазин я не побегу – квартиру-то не бросишь. Не могли бы вы мне букет цветов для гостей привезти? И бутылочку коньяка прихватите. Коньяк армянский, «Ахтамар» называется. А цветы любые, но чтобы пахли роскошно. Возьмите такси, милочка, чтобы не задерживать уважаемых людей. И потом поухаживайте за нами сегодня. Вы представляете меня в роли подающего на стол? «Кушать подано, господа!» Лично я не представляю. Ха-ха…

У Вероники денег не было вовсе, но она пробежалась по комнатам общежития и заняла. За коньяком и цветами помчались подружки, умирающие от зависти, Вероника же тем временем укладывала волосы, гладила блузку и тряслась от страха и восторга.

Народный артист оказался дома и сам открыл дверь. Только что у него состоялся тяжелый разговор с женой. Правда, говорила только жена, а теперь она плакала где-то в глубине квартиры.

Ректор появился на пороге в пурпурном парчовом халате.

– Вот, – произнесла скромная второкурсница, протягивая букет белых лилий и бутылку коньяка. – Все, как вы хотели. Я готова поухаживать сегодня за вами и выполнять ваши прихоти.

– Сволочь!!! – пронзил квартиру и все мировое пространство женский вопль. – Он своим бабам уже дома свидания назначает!

– Вон, – спокойно и красиво пробасил народный артист. И повторил, поморщившись: – Вон!

Затем ректор начал закрывать дверь.

– Не попадайтесь мне больше на глаза!

Вероника рыдала всю ночь. Умные подружки сообщили ей, кто ее так подло разыграл, только девушке от этого легче не стало. Она потеряла веру в людей, в свое будущее, и жить ей больше не хотелось. Леша приходил, конечно, извиняться, но его не впустили.

Весь следующий день Соснина тоже плакала. А рядом сидели подружки, у которых она заняла деньги, и следили, чтобы Вероника не выпрыгнула в окно.

К вечеру, когда у жертвы обмана уже иссякли слезы, в дверь комнаты постучали. На пороге стоял ректор. Он обвел взглядом собравшихся и кивнул обомлевшим от созерцания театрального божества подружкам:

– Ступайте гулять, милочки.

Народный артист проследил, чтобы девушки надели пальто, потому что на улице было прохладно, затем проверил, не остались ли любопытные подружки за дверью. После чего подошел к кровати, на которой замерла несчастная и обманутая Вероника, прикрывавшая уголком одеяла распухшее от многочасовых рыданий лицо.

– Вчера вы приходили ко мне с коньяком, – вспомнил ректор. – Та бутылка еще жива?

– В тумбочке, – еле слышно прошептала несчастная и обманутая.

Неожиданный гость опустился на стул, наклонился и достал из тумбочки бутылку «Ахтамара». Откупорил и проверил чистоту двух стоящих на тумбочке чайных чашечек. Наполнил каждую до половины.

– Давай-ка, милочка, выпьем за наше с тобой здоровье.

Вероника кивнула, схватила чашку двумя руками и стала делать мелкие глотки, словно пила не коньяк, а горячий чай. Ректор осушил свою чашку залпом и вновь

заговорил:

– Сегодня ко мне приходил некто Дальский, который признался во всем и покаялся. Я, конечно, Дальского накажу, уволю…

– Нет, – выдавила Вероника, у которой горло сдавила горечь, а грудь жег огонь, – не выгоняйте его, Леша добрый и очень талантливый.

– Думаешь? – усмехнулся народный артист. – Я, естественно, попросил его показать, что он тебе наговорил. Действительно, смешно. И похоже.

– Да, – кивнула Соснина.

Ректор налил еще коньяка, на сей раз себе больше половины чашки, а Веронике совсем чуть-чуть.

– Ну, милая, давай теперь за наше служение Мельпомене… Кстати, знаешь, почему ее изображают с палицей в руке?

– Нет, – испугалась своей необразованности Вероника.

– Потому что она лупит ею самых преданных своих слуг. Ладно, Дальского я оставлю на курсе, а вот сам уйду. Администратором быть – это не по мне. Короче, тут один столичный театр остался без руководителя, попытаюсь проникнуть туда главным режиссером. Я ведь там прослужил почти два десятка лет. Так что будем считать, что отношения подчиненности между нами теперь отсутствуют. Я хочу извиниться перед тобой за свою вчерашнюю грубость. Поднимайся, собирайся: мы посетим ресторан ВТО.

– Не могу, – прошептала Вероника, – я очень плохо выгляжу.

– Тогда поедем в «Арагви».

– А ваша жена?

– Надеюсь, там ее не будет. К тому же мы договорились развестись. У меня это будет четвертый развод, у нее – второй. К тому же ей есть куда идти: ее

молодому другу двадцать семь, она старше его ровно на десять лет, и он балетный.

Леша Дальский в тот вечер не поехал домой, остался в общаге, чтобы проникнуть в комнату Вероники и умолить ее простить его. А пока сидел в комнате бурята Цыдынжапова и пил пиво с хозяином. За стеной кто-то гонял на магнитофоне взад и вперед одну и ту же кассету «Бонни М», Лешке приходилось кричать, чтобы Цыдынжапов его слышал. А хотелось говорить постоянно, чтобы хоть кто-то понял, насколько он раскаивается.

Было уже за полночь, когда к ним в комнату ввалилась не совсем трезвая Соснина. Вероника глупо улыбалась, и на ее покрасневшем лице светились двумя неправильными кругами вокруг глаз зеленые тени с серебряными блестками.

– Всем сидеть! – приказала второкурсница и помахала своему отражению в большом настенном зеркале.

После чего икнула и извинилась:

– Простите меня, мальчики. Я была в этом… как его… в «Арагви». А потом еще где-то. Ты, Леша, не бери в голову, ты ни в чем не виноват. А то сидишь тут и на всю общагу орешь, какой ты негодяй. А я, между прочим, очень даже счастливая… ик… – Вероника обернулась к Цыдынжапову. – Вот ты, Володя, когда родился, уже знал, кем быть. Или твои родители знали, потому что у тебя дедушка народный артист.

– Прадедушка, – уточнил Цыдынжапов.

– Какая разница! – махнула рукой Соснина, чуть не упав при этом. – У Алешки папа заслуженный артист, и он сам с детства в кино снимался. Все вы такие… А у меня мама поваром в заводской столовой работает, а отца вовсе нет. Я учусь, сестра еще маленькая, маме одной крутиться приходится…

– Поваром – это хорошо, – заметил Володя Цыдынжапов, – с голода не умрете.

– Не умрем, – согласилась Вероника.

Она вдруг обхватила шею Дальского руками и – стала сползать вниз. Лешка с помощью Цыдынжапова усадил сокурсницу на кровать.

– А ведь ты мне очень нравился. Если честно, я в тебя даже влюблена была. Но теперь – все!

– А что случилось-то? – поинтересовался Цыдынжапов.

– Не скажу. Но все равно, спасибо тебе, Леша…

Училище Соснина все-таки закончила. Только годом позже Дальского, потому что из-за рождения ребенка брала академический отпуск. И сразу после окончания училища вышла замуж за бывшего ректора, а тот не хотел, чтобы его жена была актрисой.

Алексей по распределению оказался в московском театре. Правда, его сразу предупредили, что ролей он может не дождаться, а если и потребуется что-то изображать, то лишь шаги за сценой. Театр был старый и заслуженный, актеры в нем тоже заслуженные, и вводить молодежь в состав исполнителей значило бы отодвинуть тех, кто создавал славу коллектива. Зато не запрещалось дружить с киношниками. Дальский вскоре получил предложение сыграть роль молодого лейтенанта в полнометражной ленте и успел даже отработать свои эпизоды. А потом, после съемок, но еще до озвучивания картины, его на год призвали в армию.

Глава 3

Жена сидела в кресле перед телевизором и хлебала борщ. На ее коленях стоял поднос с тарелкой супа и переполненной окурками пепельницей.

– Мне никто не звонил? – спросил Алексей, входя в комнату.

Супруга продолжала неотрывно глядеть на экран, считая, как видно, что вопрос был задан кому угодно, только не ей. С экрана на нее проникновенно смотрел известный всей стране олигарх Потапов и что-то вещал.

– Нина, мне кто-нибудь звонил? – повторил Дальский.

– Да кому ты нужен! – отмахнулась жена.

Алексей вздохнул. Он, действительно, не нужен никому. Вахтерша, судя по всему, что-то перепутала: никто не звонил в театр и Дальским не интересовался.

– Ты бы послушал, очень умные вещи говорит, – обронила Нина, не оборачиваясь. – А то вдруг придется снова играть богатых людей. Будешь хоть знать, что и как произносить.

– Я не сочиняю сценарии, а только читаю текст, который мне подсовывают перед началом съемок.

– Потому и получаешь двести баксов за съемочный день, а те, кто головой работает, в пятнадцать раз больше.

Алексей хотел огрызнуться, но промолчал. Вероятно, вспомнил Вику Соснину, у которой каждый день жизни – съемочный и которой платят куда больше, чем могла представить себе жена такого неудачника, как он.

Однажды во время спектакля Дальский обнял и с силой привлек Вику к себе – пьяным гаишникам ведь многое позволено. Та не попыталась отстраниться, не напряглась даже, только быстро взглянула на партнера. И что было в ее взгляде, он не понял, но показалось, будто промелькнула в глазах девушки обреченность, словно именно сейчас совершается между ними то, чего все равно не миновать…

– Пепельницу вытряхни, – донесся до Алексея голос жены. Та протягивала ему поднос. – Тарелку поставь в мойку, а лучше вымой сразу. Хоть какая-то польза от тебя будет.

– Для пользы дела я наделил бы исполнительную власть большими полномочиями, – говорил с экрана известный олигарх. – А то сейчас получается, что как раз спрашивают с исполнителей, возможностей же исполнять у них нет. Или в бюджете расходы на необходимые мероприятия не предусмотрены, или все упирается в процедурные препоны. Порой простое согласование занимает

столько времени! Не говоря о том, что никчемная бумажка должна получить визы двух десятков чиновников, которые, кажется, для того только и получают свою зарплату, чтобы запрещать то, в чем ни черта не понимают…

Дальский попытался понять, о чем ведет речь Потапов, но мысль ускользала от него. Тогда Алексей повторил вслух вслед за олигархом:

– «…Ни черта не понимают. Однако именно эти бездельники решают судьбы многих и многих проектов, реализация которых существенно изменила бы нашу жизнь».

Затем взял со стола пульт, отключил звук и продолжил:

– Учтите, перемены зависят не от президента страны, не от Государственной думы, а от мелких сошек, которые прекрасно сознают свою собственную ничтожность и потому всеми средствами пытаются запретить и не пустить, ожидая, что к ним придут и поклонятся. А люди деятельные кланяться не умеют…

– Похоже, – оценила жена. – Ты что, уже слышал это выступление?

Алексей покачал головой. Где он мог его слышать? Просто произнес вслух первое, что пришло в голову.

– Знаешь, а ты вообще чем-то похож на Потапова, – удивилась Нина. – Как я раньше не замечала? Тебе только прическу изменить да очки на нос водрузить. Хотя… У него взгляд волевой и решительный, а ты – амеба какая-то. Фря, одним словом.

От слов жены стало противно, и Дальский вышел на кухню. Нину он не любит, да и не любил никогда. Но если разводиться, то придется делить однокомнатную квартиру. Можно, конечно, ее продать, да только тогда они оба с Ниной останутся без крыши над головой. Снимать жилье Алексей не в состоянии: того, что ему платили в театре, едва на пропитание хватит. У супруги положение гораздо лучше – она работает администратором в спа-салоне и получает значительно больше, чем он. Правда, сколько именно, Дальский не знал даже приблизительно.

…Когда его призывали в армию, Алексей не сомневался, что служба будет проходить в гарнизонном клубе, где ему придется режиссировать праздничные концерты самодеятельности личного состава, ставить любительские спектакли, да еще давать уроки актерского мастерства офицерским дочкам, грезящим о сцене. Год пролетит быстро, и он вернется в свой театр.

Так и должно было случиться. Алексей попал в клуб мотострелковой бригады. Поначалу его заставили, конечно, изучать устав и ходить строем, но это длилось недолго. Золотоволосая жена начальника штаба узнала, что в части будет проходить службу киноактер, фильмы с участием которого она помнила с ранней юности (кстати, детские роли Дальского всегда были выигрышные: то пионер, партизанский разведчик, то сын ученого-атомщика), и заглянула в клуб. Тридцатилетняя романтически настроенная Златовласка даже поговорила немного с новобранцем. Голос ее дрожал, то ли от волнения, то ли от соприкосновения с прекрасным. Служба стала значительно легче, а после принятия присяги Алексей рассчитывал на еще большую свободу передвижения. Однако случилось непредвиденное. Присяга была принята, а через пару дней весь личный состав погрузили в эшелон, боевую технику на платформы, и бригаду отправили к новому месту дислокации.

Ехали недолго, чуть более суток, и прибыли… на войну.

До вокзала в Грозном эшелон не дошел совсем немного, личный состав высадили. Некоторых посадили на боевую технику, и они отправились далее на броне, а те, кому не хватило места на БТРах и танках, потопали к пункту назначения пешком по путям. Дальский брел рядом с незнакомыми пацанами и по их лицам понял, что страшно не только ему. Слышны были громкие очереди и одиночные выстрелы, но где стреляют – определить не представлялось возможным.

По прибытии на место началась суета. Дальский вместе с десятком других бойцов расположился возле стены какого-то сарая, за кирпичным парапетом ограды. Все, находившиеся рядом с ним, и сам Алексей таращились на пустырь, за которым виднелись невысокие городские здания. Старшим был сержант, который, в отличие от рядовых, не занимался разглядыванием пустыря, а лежал на спине на расстеленном на снегу брезенте и, прижимая к груди пулемет, смотрел в небо, темнеющее от сумерек и дыма. Теперь очереди звучали, не умолкая, и доносились они со стороны города. Алексей подумал: все, что он

видит, слышит и ощущает сейчас, происходит не с ним, а с каким-то другим человеком, по нелепой случайности попавшим в неразбериху, неизвестно чем вызванную, а может, даже и выдуманную кем-то с непонятной целью. И человек, чьими глазами сейчас смотрит на окружающее, вовсе не знаком ему, только Дальский почему-то говорит его голосом, стараясь казаться спокойным и уверенным в себе, дрожа от промозглой сырости чужого едкого воздуха.

Алексей закрыл глаза. Внезапно раздался грохот орудийных залпов и затряслась земля.

– Сейчас на нас попрут, нутром чую, – произнес сержант.

Кто попрет и откуда, Дальский не понимал. И спросил сержанта:

– Ты уже был в бою?

Тот сплюнул в сторону и строго посмотрел на Алексея:

– Не «ты», а «вы». Понял, салага?

– Так точно!

Сержант поднялся и сел на корточки.

– В бою я не был, но все равно мы им сейчас такого вставим!

Быстро темнело, и Алексей отчетливо осознал, что темнеет навсегда. То есть сейчас наступит ночь, за которой не придет утро. Фонари не горели, и от этого город казался еще более мрачным. По-прежнему вокруг грохотало. Потом вдруг все стихло, и только ветер приносил еще какое-то время эхо далеких одиночных выстрелов. На миг показалось, что неразбериха закончилась. Что вот сейчас Алексей увидит себя в комнате студенческого общежития, которую ему предоставил на одну ночь Володя Цыдынжапов. На стене будет висеть копия тулуз-лотрековской афиши «Мулен Руж», а рядом с ним лежать Вероника Соснина. Она будет прижиматься к нему и ловить его поцелуи… Дальский так сильно захотел этого, что зажмурился. Сейчас, сейчас он откроет глаза и окажется в единственной их ночи, пахнущей сорванной вечером сиренью и

скорым расставанием. Так уже было. Но тогда это было с надеждами на будущее: на успех, славу, поклонение. А теперь Алексей точно знал, что Соснина уйдет из комнаты и вообще из его жизни тихо и незаметно, осторожно ступая босыми ступнями по засыпанным сигаретным пеплом проплешинам старого ковра.

Кто-то тронул его за плечо. Дальский открыл глаза и увидел нагнувшегося к нему полковника.

– Артист? – спросил тот.

Алексей кивнул.

– Тогда пойдем со мной.

Они вернулись на вокзал, вошли в здание. Миновали зал ожидания, оказались в темном коридоре. Полковник освещал путь фонариком, затем открыл дверь просторной комнаты, где уже находились несколько офицеров. Показал на стоящую на столе тарелку с бутербродами:

– Есть хочешь?

Дальский вспомнил о сержанте и других пацанах, оставшихся возле кирпичного пакгауза, и отказался.

– Сто грамм все равно прими, – велел полковник и подвинул к Алексею стакан с водкой. – Давай, давай… Скоро такое начнется! Меня жена попросила за тобой присмотреть.

Алексей догадался, что перед ним начальник штаба бригады, и поинтересовался:

– Долго мы здесь будем?

– Двух часов еще не прошло, а ты уже…

Полковник недоговорил – снова загрохотало все вокруг.

– Выпей! – крикнул начальник штаба. – Залпом пей и следуй за мной!

То, что происходило дальше, не укладывалось ни в пространстве, ни в памяти. Поначалу время, разбившееся на куски, как упавшее со стены зеркало, еще хранило отражение каких-то событий, которые можно было выстроить в определенной последовательности, но потом и эта цепь разорвалась на не связанные между собой фрагменты. Звенья ее разлетелись в темноте, оставив вспышки выстрелов, кривые пунктиры трассирующих пуль, всплески огня, удушливую горечь дыма и скрипящий вкус кирпичной пыли во рту. Ночной бой продолжался до утра, то затихая, то разгораясь с новой яростной силой.

Когда начало светать, Алексей выполз на воздух, чтобы отдышаться, но и здесь едкий дым раздирал легкие. За кучей битого кирпича Дальский встретил того самого сержанта, с которым разговаривал возле пакгауза.

– Ты живой, брат? – обрадовался парень.

Они обнялись, и сержант сообщил, что другие ребята, бывшие там же, у пакгауза, погибли.

– Мина в стену угодила, их сразу всех осколками накрыло. А мне только рожу кирпичной крошкой посекло…

И он предложил сползать туда, пока затишье, и вынести тела.

Глава 4

В палате Ростовского военного госпиталя было тепло и тихо. Кроме Дальского, в палате лежали еще пятеро парней. Трое из них оказались с тяжелыми ранениями. Алексей чувствовал бы себя прекрасно, если бы не постоянные головные боли. Простреленное предплечье совсем не беспокоило, а потому Дальский, которому надоело лежать на койке, выходил в коридор и устраивался на подоконнике. К нему подбегала медсестра Ниночка.

– Как вы себя чувствуете, Алексей? – спрашивала она, когда пристраивалась рядом.

Так происходило много раз на дню, и каждый раз Дальский отвечал, что пока Нина рядом, у него ничего не болит. Медсестра была высокой, тоненькой и глядела на него восторженными глазами – только что на экраны вышел фильм, в котором Дальский сыграл выпускника военного училища, попавшего служить на опасный участок границы и полюбившего гордую красавицу из авторитетной семьи местных наркоторговцев и контрабандистов. Медсестра смотрела фильм и плакала. По крайней мере так она уверяла. Нина приносила сигареты, которыми Дальский щедро делился с другими ранеными.

Два раза к Алексею приходили армейские дознаватели, выводили в ординаторскую и там задавали вопросы о том, как вели себя старшие офицеры, какие отдавали приказания и где находились во время боя. Сначала с ним беседовал капитан с вкрадчивым голосом. Капитан наклонялся близко-близко и шептал, спрашивая, а затем улыбался, ожидая ответа. Разве что по коленке не гладил. Дальский отстранялся и отвечал, что он и себя-то в бою помнит плохо, а приказания получал только от своих непосредственных начальников, причем команда была всегда одна и та же – «Ни шагу назад!».

– Прямо как при Сталине, – кивнул капитан и при этом не улыбнулся.

Потом Алексея посетил подполковник. Тот был деловым и вопросы задавал коротко и резко – так, как будто отрубал часть фразы.

– Где, когда и при каких обстоятельствах… вы в последний раз видели начальника штаба бригады… полковника Белова?

Дальский старался казаться заинтересованным в разговоре и отвечал, словно докладывал:

– Видел его раненым в бывшем зале ожидания, точнее, там, где были автоматические камеры хранения. Туда всех раненых приносили.

– Вы имели с ними беседу в момент вашей последней встречи? Характер ранения позволял полковнику Белову… руководить боевыми действиями бригады?

Алексей чеканил слова ответа:

– Полковник Белов был ранен двумя пулями в живот. Говорил с трудом, передвигаться самостоятельно не мог.

В какой-то момент дознаватель-подполковник удивленно посмотрел на Дальского: ему вдруг показалось, что допрашиваемый отвечает знакомым голосом. То есть голосом, похожим на его собственный, дознавательский. И тогда он попытался сказать что-нибудь более мягкое:

– Рядовой Дальский, вы представлены к высокой правительственной награде, возможно, станете даже Героем России. Но окончательное решение данного вопроса зависит от прямоты ваших ответов сегодня.

– Вот я и говорю прямо! – не выдержал Алексей. – Отслужил в армии два месяца и попал на войну. Ну, ладно, мне-то двадцать два года, но там было полно восемнадцатилетних мальчишек, которые за два месяца службы даже строем ходить не научились и автомата в руках не держали, до этого шестьдесят дней только плац подметали да толчки драили… Но они держали вокзал, потому что так командир приказал, и умирали, надеясь, что подмога вот-вот подойдет. А вокзал-то и не нужен был никому! Мы просто отвлекали противника. Всю нашу технику и тех, кто на броне в город въезжал, сразу сожгли. А на вокзале и двух батальонов не осталось. И в основном там зеленые все были. Полковник думал, что только так им жизнь сохранит. А они лежали и тихо плакали, когда их, раненых, добивали. Вы этого не видели, а я вот насмотрелся…

Дознаватель не дослушал, встал и ушел.

После полутора месяцев пребывания в госпитале Дальский понял, что еще неделя-другая и его отправят в часть – в свою или какую другую, но снова на войну. И относился к этому спокойно. Домой матери Алексей отправил из Ростова несколько писем, в которых красочно описывал свою службу в гарнизонном доме офицеров, где якобы ведет драмкружок и готовит к постановке спектакль по пьесе Александра Вампилова «Утиная охота».

Двадцать третьего февраля по палатам ходило руководство госпиталя, поздравляя раненых с Днем защитника Отечества. Перед обедом, когда Дальский играл в шашки с соседом, в палату заскочила Ниночка. Она села

рядом, обняла Алексея и шепнула ему на ухо:

– Выйди через пять минут на лестничную площадку.

Дальский вышел.

Нина ждала его, прижимая к груди большой полиэтиленовый пакет. И тут же начала доставать из пакета одежду.

– Вот джинсы, свитер, рубашка, пуховик. Это мне бывший одноклассник дал. Сейчас поедем ко мне, отметим праздник, посидим по-человечески. Ведь ты, наверное, домашней пищи давно не ел.

Алексей прямо на площадке переоделся, и Нина провела его через проходную. На улице в старенькой «копейке» их ждал тот самый одноклассник, любезно предоставивший свою одежду. Парень молчал всю дорогу, только изредка наблюдал в зеркало заднего вида, как Нина прижимается к известному актеру. Наконец не выдержал и спросил:

– Как там? А то меня весной должны призвать.

– Нормально, – ответил Дальский. – К весне все закончится.

А весна в Ростове уже началась. Светило солнце, и чирикали возле сверкающих луж воробьи.

Медсестра жила в Аксае, поселке за окраиной Ростова, состоявшем из грязных одноэтажных домишек, над крышами которых возвышались, как метлы, голые ветки зимних яблонь и вишен. Тот, в котором обитала семья Нины, был с виду малюсенький, но когда Алексей оказался внутри, он удивился, как там смогли уместиться четыре комнаты. На пороге его встретили родители девушки: высокая полная мать и сухонький отец, надевший по поводу появления в доме артиста белую рубашку и галстук. Рубашка стояла пузырем и спереди, и сзади, а галстук был повязан кривым узлом, отчего ярко-зеленая «селедка» упиралась мужчине в подбородок.

– Проходьте в дом, не надо обув сымать, – приветливо замахала руками мать. – Нина потом усе подметет, она у нас страсть какая трудолюбивая. И готовит к тому же хорошо. В холл прямо и проходьте.

Посреди двенадцатиметровой комнаты стоял большой круглый стол, уставленный закусками и бутылками.

– Усе Ниночка приготовила, – продолжала суетиться мать медсестры, – я только немножко подмогла ей.

Гостя усадили на диван, а рядом присела Нина. Причем очень рядом присела. Мать сделала вид, что не заметила этой близости.

– Ну, шо, по одной за праздник? – предложил глава семьи и посмотрел внимательно на гостя. – Тебе, то есть вам, можно? Или нет никакой возможности?

– В каком смысле? – не понял Дальский.

– Просто Ниночка нас предупредила, что вы придете к нам с раной, – объяснила хозяйка дома.

Алексей едва сдержался, чтобы не расхохотаться, но ответил спокойно:

– Как раз наоборот: я пришел сюда очень даже свежим и намытым.

Нина погладила Алексея по плечу и прижалась к нему еще теснее.

– Леша получил сильную контузию, – вздохнула девушка, – даже речь была нарушена. А еще у него сквозная рана левого предплечья и касательное ранение правого бедра.

– И что врачи говорят? – участливо поинтересовался отец Нины.

– Да вроде не запрещают.

Хозяева и гость уселись вокруг стола. Алексей подставил рюмку, а мать Нины уже наполняла его тарелку студнем. Со вторым тостом решили не тянуть.

– За нашу победу! – провозгласила девушка.

Очень скоро Алексей услышал гул в ушах, ощутил слабость во всем теле и понял, что пьянеет. Голоса хозяев доносились откуда-то издалека, и он напрягался, чтобы понять, о чем идет речь, а разговаривали все почему-то одновременно.

– Я в Благовещенске срочную мантулил, там река Амур есть. А с другой стороны этого самого Амура китайский город Хей Хе. Такое вот дурацкое название китайцы для своего города придумали, смотрите, не ошибитесь…

– А почему вы, такой популярный артист, пошли в армию? Чтобы лучше понять жизнь простого народа?

– Китайцы на лодках все время на нашу сторону реки норовили попасть, потому что у нас рыбы больше: горбуша, кета всякая, амур опять же… Это уже рыба такая, смотрите, не перепутайте с рекой. А с китайской стороны Амура-реки одни лягушки, да и то их там очень мало осталось, потому что китайцы почти всех лягух уже съели…

– …А с кем вы из известных артистов дружите? Или просто в хороших отношениях…

Дальский слушал и улыбался, не успевая отвечать. Хотя, может быть, родители Нины ответа от него и не ждали. А Нина все прижималась к нему, гладила по спине. От ее прикосновений хотелось закрыть глаза и уснуть.

– А правда, что в среде актеров очень часто случаются любовные романы?

Отец девушки вдруг запел:

На границе тучи ходят хмуро,

Край суровый тишиной объят.

У высоких берегов Амура

Часовые родины стоят…

– Я люблю тебя, – долетали слова Нины, лаская слух, – я люблю тебя, ты единственный и самый лучший…

Уху было щекотно от ее губ, и Дальский рассмеялся.

– А давайте еще выпьем! – предложил он.

Пока водка лилась в его рюмку, Алексей говорил и говорил, удивляясь тому, что он говорит, говорит, а рюмка все никак не наполняется.

– Отвечаю по порядку поступления вопросов. Итак, во-первых, я лягушек не ем. Во-вторых, любовные романы случаются не только у деятелей театра и кино. В-третьих, с актерами почти не дружу, ну, разве что с заграничными. Ален Делон, Бельмондо, Сильвестр Сталлоне. Хотя, если честно, с ними я тоже не дружу, а только приятельствую, когда они к нам на съемки приезжают…

Он нес всякую чушь, а в голове звучал чей-то знакомый голос:

«Господи, что ж такое? Сколько же я не пил? В последний раз начальник штаба налил сто грамм, потом мы вышли из вокзального буфета, а через минуту после этого туда ударил снаряд гаубицы. Семь человек в клочки… Очень болит голова…»

У Алексея потемнело в глазах, боль сжала виски. Родители Нины быстро поднялись из-за стола.

– Мы пойдем, пожалуй. У меня тут брат на соседней улице живет. Мы у него переночуем. Вы тут располагайтесь, как дома.

«Кому они это говорят? Ведь я умер тогда…»

Он открыл глаза и не сразу понял, где находится. Показалось, что именно сейчас тишину разрежет свист подлетающей мины, а потом затрясутся стены и посыплются на землю битые кирпичи. Но вместо этого раздался звук

автомобильного мотора, где-то совсем рядом проехала машина, и свет ее фар пролился на низкий потолок.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Нина.

– Нормально, – ответил Алексей.

У него и в самом деле ничего не болело. Голова была свежа, и дышалось легко. Дальский ощущал все запахи окружающего мира, который прижимался к нему и дышал робко в плечо. От Нины пахло духами, аромат был цветочный, но что это за цветы, Алексей понять не мог. Мальвы, петунии, фиалки?

– Я люблю тебя, – прошептала девушка.

Он обнял ее, даже не удивляясь тому, как они оказались в другой комнате, в постели, почему на них нет никакой одежды, почему вдруг наступила ночь, да еще такая нежная и обещающая, почему то, что сидело в нем почти два месяца, исчезло внезапно непонятно куда, а осталось лишь желание жить и любить кого-то, любить так сильно, чтобы все в мире изменилось от этой любви, чтобы мир стал добрее и чище, а люди перестали умирать. Алексей целовал девушку, захлебываясь от желания жить вечно, неожиданно понимая, что самое страшное в его жизни уже прошло, и теперь все будет так, как он захочет, стоит только пожелать чего-то, все равно чего, и что это наверняка исполнится, потому что он теперь другой, и весь мир теперь другой…

Глава 5

Он вернулся в госпиталь утром, перед самым завтраком. С Ниной вместе добрались на такси до ограды, за которой был госпитальный сквер. Перед тем как проникнуть на территорию, Дальский поцеловал девушку, и она долго не могла оторваться от него. Потом, протиснувшись в щель, он переоделся тут же возле забора, засунул чужие вещи в пакет и передал сверток Нине. А та снова поцеловала его.

В палате было тихо. Но когда Алексей нырнул в свою постель, лежащий рядом прапорщик Дятлов сказал тихо:

– Лейтенант ночью умер.

– Как?! – поразился Дальский. – Он же на поправку шел… я с ним вчера в шашки играл…

– Ну да, – подтвердил Дятлов, – еще вечером нормальный был, спать лег. А ночью стонал. Я хотел даже за медсестрой бежать, но лейтенант замолчал, и я раздумал, решил утра дождаться. А видишь, как получилось. Говорят, кровоизлияние у него. Всего двадцать два года парню. Твой ровесник, кстати.

Тут вроде бы по делу вошла светившаяся от счастья Нина и дала каждому по термометру. Один термометр так и остался у нее в руке. Надеясь, что никто не обращает на нее внимания, погладила Алексея по плечу. Все отвернулись, чтобы не мешать двоим быть счастливыми, но вошел дежурный врач и мотнул головой Нине, показывая, что и другим раненым требуется ее забота.

А Дальскому он сказал:

– К вам посетитель.

И отступил в сторону, пропуская в палату молодую женщину в черном платке. Это была жена начальника штаба.

– Здравствуйте, Алексей, – негромко произнесла она и заплакала.

Дальский поднялся ей навстречу, помог опуститься на больничный табурет, а сам сел на свою кровать.

– Все, – сквозь слезы заговорила женщина, – все, кого я знала, погибли. Несколько офицеров только выжили, но они ничего не могут мне сказать, потому что не были рядом с Андреем. А вы…

Она перевела дух.

– Вы были с ним рядом?

Дальский кивнул:

– Был.

– Вы видели, как мой муж погиб?

– Нет.

– Но вы видели его?

Алексей еще раз кивнул.

– Он был ранен?

– Да, – подтвердил Алексей, – в живот. Но ваш муж считал, что раны не опасны для жизни.

– Но ведь его нет. То есть нет среди мертвых. Может, он в плену?

– Вероятно.

– Андрей что-нибудь просил передать?

Дальский отвернулся и посмотрел на пробуждающееся за окном серое утро. Снова кивнул, хотел заговорить, но не смог, потому что сдавило горло.

– Я вас очень прошу, – прошептала женщина. И погладила Алексея по плечу. Точно так же, как это сделала совсем недавно Нина.

– Он сказал, что очень любит вас, – произнес Алексей, продолжая смотреть за окно. – И сына любит, и дочку. Просил передать, чтобы Сережа поступал в Рязанское училище. И чтобы Аня нашла себе достойного человека. Еще он очень волновался, что дочка попала в больницу…

– Анечка уже давно дома. Ей просто вырезали гланды.

Дальский снова посмотрел на женщину, боясь увидеть ее слезы. Но та была спокойна.

– Вы мне все сообщили? – спросила жена начальника штаба.

– Все.

– Ничего не утаили?

– Нет.

– Дайте клятву, что не обманываете меня.

– Клянусь.

Женщина ушла.

Дятлов сел в кровати, потом смахнул что-то с лица, взял с тумбочки пачку сигарет, губами вытащил из нее одну, достал из кармана больничной пижамы спичечный коробок.

– Леха, чиркни спичкой, а то я одной рукой не навострился еще управляться.

Затянувшись сигаретой, прапорщик тут же резко выдохнул дым.

– Мда… война… Даже не представляю, что с моей было бы, если б вдруг сообщили, что меня… того самого… Я ей про руку-то написал, но только что легкое ранение. А то, что руку по локоть оторвало…

Алексей стремительно вышел в коридор. Рядом с дверью палаты, уткнувшись лбом в больничную стену, тихо плакала Нина.

Праздничный день 8 Марта Алексей вновь провел в поселке Аксай. Как и в прошлый раз, все сидели за столом, а потом родители Нины отправились ночевать к родственникам. Когда они уходили, сумрак еще не окутал двор, и Дальский был совершенно трезв. Зато ночью они с Ниной долго говорили о совместном будущем.

Вообще-то самые большие ошибки совершаются на трезвую голову. А по пьянке только преступления. Вроде Чеченской войны. Впрочем, когда президент огромной страны пьет много и с кем попало – это уже большая политика. А большая политика для того и существует, чтобы кто-то мог хапнуть огромные деньги. Порой лишняя рюмка водки, выпитая одним человеком, может стоить десятков тысяч жизней далеких от больших денег людей, то есть людей бедных и большой политикой в расчет не принимаемых.

Утром Алексей помчался на военную врачебную комиссию, на которой медики должны были решить – предоставить ли рядовому Дальскому отпуск по ранению или отправить его обратно в часть.

Комиссия прошла быстро. Алексею задавали вопросы о состоянии здоровья и о том, как он вообще оказался на службе.

Потом председатель комиссии еще раз просмотрел все документы и сказал тихо, хотя Алексей все равно услышал:

– Парень, разумеется, здоров. Но, уважаемые коллеги, я вот что хочу сказать… У меня сосед по даче – какой-то хрен из штаба округа. Так эта тыловая крыса уже почти год строит себе особняк, и там все время неизвестно чем занимаются десятка три бугаев из стройбата. Они жируют и загорают, а мы на передовую, в пекло скрипачей отправляем…

– Дальский – драматический артист, – подсказали председателю комиссии.

– Да какая разница! Может, он Качалов или новый Смоктуновский? Но парень погибнет, а тридцать бездельников во главе с тыловой крысой будут преспокойненько жрать клубнику и черную смородину, пока за них будут воевать те, кто своим искусством приумножать славу России должен…

Председатель кинул взгляд на Алексея и, не меняя тона, приказал:

– Чего ты здесь расселся? Шагом марш отсюда!

Дальский вышел в коридор, где волновалась Нина.

– Дали отпуск? – спросила она шепотом.

– Не знаю.

– Если тебя обратно пошлют, то я пойду в военкомат и напишу заявление, чтобы меня в твою часть фельдшером направили. Буду рядом с тобой.

В военкомат Нине идти не пришлось: Алексея комиссовали, то есть досрочно уволили в запас по состоянию здоровья.

В Москву к матери Алексея они поехали вместе.

Глава 6

Он сидел на кухне, когда раздался телефонный звонок.

– Это меня, – крикнула из комнаты Нина. – Скажи, что меня нет.

Дальский снял трубку, поднес ее к уху и произнес быстро:

– Ее нет.

После чего вернул трубку на рычаг.

– Кто хоть звонил? – крикнула жена.

– Судьба, – ответил Алексей. Но тихо, чтобы Нина не услышала.

Аппарат снова зазвонил. На сей раз Дальский, решив поинтересоваться, кто звонит не очень поздним вечером его жене, сказал в трубку:

– Слушаю.

И услышал мужской голос:

– Алексей Алексеевич Дальский?

Голос был незнакомым. Обладатель его, судя по интонациям, сам никуда не спешил, зато был уверен, что к нему поспешат многие.

– Он самый.

– Вас беспокоят из «Росинтерна». Мы хотели бы встретиться с вами и предложить работу.

Название «Росинтерн» Алексей слышал где-то, поэтому решил, что это одна из многочисленных кинокомпаний, появившихся в последние годы.

– А что за роль? И что хоть за проект? Кто в нем будет участвовать? Я почему, собственно, интересуюсь: дело в том, что я уже практически дал согласие на участие в съемках одного телеромана. Но если ваше предложение покажется мне более интересным…

– Все узнаете при встрече. Вам удобно увидеться сегодня?

– А если завтра в полдень в театре?

– Только не там, – возразил голос. – К тому же где там беседовать? Личной гримуборной у вас нет, вы делите одну с тремя коллегами… Давайте не будем тянуть! Сейчас еще не поздно, и, если вы не возражаете, лучше встретиться сегодня. Кстати, возле подъезда вашего дома уже стоит автомобиль.

Алексей взял со стола телефонный аппарат, подошел к окну и посмотрел вниз. У входа в подъезд и в самом деле припарковался большой темный автомобиль.

– Ну что ж, – произнес он в трубку, – автомобиль достойный. Через пятнадцать минут я выйду.

Алексей посмотрел на себя в зеркало, раздумывая, бриться или не надо. Решил, что не стоит, но костюм для первого впечатления необходим. Он подошел к шкафу.

– Так кто звонил-то? – спросила Нина.

– Мне хотят предложить работу.

– Если будут предлагать в рекламе сниматься, не вздумай отказываться!

Дальский надевал костюм, чувствуя, что жена наблюдает за ним с дивана.

За пятнадцать лет брака Нина постепенно превратилась в обычную столичную женщину. Не дама, но старается быть похожей на даму. Причем превращение произошло так незаметно для Алексея, что он искренне считал, будто его супруга всегда была такой – вслух рассуждающей о деньгах и чужих доходах, крикливой, а иногда скандальной. Но ведь была когда-то совсем другая – провинциальная, мечтательная девушка, вроде бы робкая, но хваткая, расчетливая до наивности, однако умеющая сострадать и заплакать от одного только прикосновения к чужому горю. И она понимала тогда, что красива, а красота – это единственный шанс изменить свою жизнь, оказаться в кругу людей известных и независимых от чужого мнения, но главное, богатых. Один из раненых, молодой артист из Москвы, города банков и иномарок, конечно же, показался ей сказочным принцем. Сколько замарашек приезжают в столицу на тыквах! А тут – принц, можно сказать, у нее дома… Но как показать ему папу, водителя городского автобуса, и маму, торгующую на рынке живыми раками и вяленой рыбой? Может, она и в самом деле полюбила его тогда – контуженого и не забывшего своего страха…

Алексей облачился в костюм и спросил:

– Ну, как я тебе?

– От рекламы не отказывайся.

Нина выходила замуж за известного артиста, а выяснилось, что в театре, который сдал члена своей труппы военкомату, теперь для него ролей и вовсе нет. А в детском театре, куда Алексею удалось-таки пристроиться, ему приходилось изображать песиков и ежиков. Дети, правда, визжали от восторга. Потом Дальский-старший позвонил в свой бывший театр, в котором сам оттарабанил два десятка лет, и договорился. Но на новом месте его сыну снова лишь шаги за сценой доставались да выход на подмену во втором составе. И кинокарьера у Дальского-младшего не сложилась. Три фильма в детстве с отцом в роли отца, пара эпизодов в студенческие годы и роль молодого лейтенанта перед самой армией, потом снова несколько эпизодов в случайных и всеми давно забытых картинах, да еще вот недавно роль олигарха за смешные, в сущности, деньги. Однажды за участие в рекламном ролике ему предложили неплохо – немного, конечно, но на месяц жизни хватило бы точно. Только Дальский отказался, потому что повесил бы на себя такой имидж, что о карьере кинозвезды можно было бы и не мечтать.

Сюжет ролика, очевидно, придумал дебильный семиклассник: русский гусар в парижском публичном доме; все вокруг разгромлено, тут и там полуодетые девушки, некоторые в бессознательном состоянии, другие стонут. Гусар же пьет шампанское из бутылки и кричит: «А подайте-ка мне еще парочку!» Откуда-то из-под дивана лепечет испуганная содержательница борделя: «Мсье поручик, у нас нет больше девушек, и на улице уже закончились. Пожалейте нас!» Поручик расстраивается, разумеется, а потом вздыхает: «В гостях хорошо, а дома лучше». И тут же на экране появляются огромные буквы: «БИСТРОФАК» ДЛЯ УВЕРЕННЫХ В СЕБЕ МУЖЧИН! ПРОВЕРЕНО И ОДОБРЕНО МИНЗДРАВОМ».

Вот от такой замечательной роли Дальский отказался. Нина, разумеется, рассердилась. Причем так пылко сердилась, что Алексей засомневался даже: а не рассчитывала ли его супруга на одну из ролей в ролике?

Они поженились сразу, как только Нине исполнилось восемнадцать, ее родители отнюдь не возражали против раннего замужества дочери. Оказавшись в Москве, Нина сделала единственную попытку поступить в медицинский, но провалилась на экзамене по химии. Зато она закончила курсы массажа и какое-то время поработала по новой специальности. Однако ей не понравилось. Тогда девушка устроилась инструктором по фитнесу, а потом администратором в спа-салон. Но еще раньше Нина поняла, что актеры – не самые уважаемые люди в этой жизни.

Алексей вышел из дома и подошел к сверкающему полировкой автомобилю. В темных тонированных стеклах отражалось сентябрьское небо. Передняя пассажирская дверца приоткрылась, и Дальский понял, что его приглашают в салон.

За рулем сидел господин в дорогом темном костюме. На вид мужчине едва ли было больше сорока лет.

– Дверь закройте получше!

Алексей послушно выполнил просьбу. Или это было приказание? Автомобиль тут же рванул с места.

– Здравствуйте, – поприветствовал Дальский незнакомца.

– И вам не хворать, – отозвался тот.

За тонированными стеклами промелькнули тощие кусты родного двора, машина выехала на проспект.

– Мы сейчас куда? – спросил Алексей.

– Тут рядом. Просто у меня еще одна встреча, а я не люблю опаздывать.

– А за рулем говорить можете? Или тоже не любите?

– Запросто, – ответил незнакомец. И представился: – Меня зовут Герман Владимирович. Кто вы, мне хорошо известно, а потому хочу сделать вам предложение…

Автомобиль, не снижая скорости, свернул в какой-то проулок и понесся мимо плотно припаркованных вдоль тротуара машин.

– Как ваша компания называется? – воспользовался паузой Дальский.

– Концерн «Росинтерн».

– Вам нужен рекламный ролик? – высказал догадку Алексей. – Так я не…

– Нет, реклама нам не нужна, концерн имеет серьезную деловую репутацию в мире. Работа, которая будет вам предложена, конфиденциальна. И оплачена будет так, что…

Автомобиль остановился, и тут же к водительскому окну подошел невзрачный человек. Стекло опустилось, и он протянул что-то Герману Владимировичу.

– Это флэшка со снимками, – пояснил мужчина.

– Распечатывать не пытались?

– Когда? Полчаса назад отщелкал. Почти сотня кадров. И потом, вы меня не первый год знаете. Кстати, там есть весьма и весьма…

– Камеру дайте!

– Зачем?

– Хочу быть уверенным, что не будет сделано ни одной копии.

Мужчина протянул через окно небольшой фотоаппарат и вздохнул:

– Тут один объектив две штуки евро стоит.

– Получите компенсацию вместе с гонораром.

Окно закрылось, и автомобиль тронулся с места.

– Итак, – продолжил прерванный разговор Герман Владимирович, – работа оплачена будет так, что снимайся вы хоть сотню лет в рекламах, столько не заработаете.

– Надолго работа?

– Зависит от вашего таланта и от необходимости. Может, пару месяцев, может, пару лет.

– А театр? Возможно совмещение?

Герман Владимирович посмотрел на Дальского как на полного идиота, но ответил спокойно:

– Вся жизнь – театр.

И затормозил, продолжая изучать лицо Алексея.

Автомобиль остановился у входа в ресторан. На крыльце ловил солнце швейцар в ливрее. Выскочили перекурить двое молодых официантов в белых рубашках с короткими рукавами, но, увидев дорогой автомобиль, тут же скрылись за дверью из темного стекла. Вытянулся и швейцар.

– Поговорим здесь в отдельном кабинете, – продолжал Герман Владимирович. – Сейчас восемнадцать тридцать, а я всегда в это время обедаю. Давайте пообедаем вместе и обсудим наши дела. Обычно моя трапеза длится ровно сорок пять минут, мы должны уложиться.

Они вышли из машины на улицу. Щелкнул брелок сигнализации, и автомобиль дважды мигнул фарами, затем два раза протяжно пикнул. Звук этот был так похож на стон покидаемой любимым женщины, что Дальский вздрогнул.

Стол был уже сервирован на двоих, официанты выставляли блюда. Алексей опустился на стул, слегка его отодвинув в сторону и всем своим видом показывая, что поговорить о деле готов, но обедать за чужой счет не собирается.

– С годами начинаешь ценить хорошую еду, – произнес Герман Владимирович, оглядывая то, что стояло перед ним. – Подчеркиваю – хорошую. Вкусно и кошку приготовить можно, а вот простую отварную осетрину ничто не заменит. Или соленые грибы. Не маринованные, а именно соленые, маринад придает пикантность, но изменяет естественный вкус продукта. Люди, которые употребляют лапшу быстрого приготовления, лишают себя всего в жизни –

удовольствия и долгих лет здоровья. Корейцам, может быть, она и подходит, а русскому человеку надо, чтобы еда вкусно пахла и проглатывалась с удовольствием. Хочешь поесть на работе вкусно, приготовь с вечера гречневой каши с баранинкой, да с лучком, да чтоб подливочки побольше, возьми с собой и разогрей в микроволновке. Ведь так?

Дальский слушал и чувствовал, что отказаться уже не может: случилось то же самое, как при одной только мысли о сочном лимоне, – рот наполнился слюной.

– Пододвигайтесь поближе, Алексей Алексеевич! Что вы, как бедный родственник, право? – обиженно произнес Герман Владимирович, делая себе бутерброд с черной икрой.

Дальский повернул стул к столу.

– Так что по поводу работы? Если это не съемки рекламного ролика, то что? – спросил он, решив положить себе на тарелку что-нибудь поскромнее.

И растерялся. Потому что вокруг было не просто изобилие, а изобилие того, что Алексей не ел давно или не ел вовсе: осетрина, семга, ароматные колбасы, твердые итальянские сыры, крупные, размером с алычу, оливки, паштет из гусиной печенки и многое другое. Он взял соленых грибочков и пару ломтиков сыра. Тут же сбоку возникла рука официанта, которая наполнила рюмку, стоящую перед Дальским.

– Хорошая водка, – показал на бутылку Герман Владимирович, – грейпфрутовая. В Дании делают. Хотя, вроде, какая может быть водка в Дании? Но ведь вкусная, зараза! Попробуйте.

Мужчина тут же махнул рукой официанту.

– Отдохни, паренек. И дверь в кабинет прикрой поплотнее.

Герман Владимирович поднял свою рюмку.

– Ваше здоровье, Алексей Алексеевич!

И залпом осушил ее.

То же сделал Дальский.

Теперь они остались наедине.

– Итак, о работе… – заговорил Герман Владимирович. – Сказать, что она будет ответственной, – значит ничего не сказать. Архиответственная работа, требующая большого таланта, который у вас имеется. Мы долго подбирали претендента на эту должность, но все, как говорится, мимо цели. А тут как-то дома сижу, телевизор включил, подошел к телефону и вдруг слышу знакомый голос в своей квартире. Я живу один, и откуда вдруг тот человек у меня за стеной оказался, совершенно непонятно. Мне аж не по себе стало. Вхожу в гостиную, а там по телевизору транслируют фильм с вашим участием. Тот, где вы олигарха изображаете. И так похоже на одного человека, что мне чуть дурно не сделалось. Ну, думаю, пройдохи-киношники актера специально так загримировали. Но дождался титров, записал вашу фамилию, послал людей, и они мне из актерского отдела кинокомпании ваши фотографии доставили. Посмотрел я их и удивился еще больше. Ну, поняли теперь, что от вас требуется?

– Сыграть в кино конкретного исторического персонажа?

Герман Владимирович, наполняя рюмку Дальского, поправил:

– Не в кино, в жизни.

– То есть?

– Вам будет поручено стать двойником одного известного человека. За хорошее вознаграждение.

Алексей растерялся, задал первый пришедший в голову вопрос:

– Кого?

– Максима Михайловича Потапова. Слышали о таком?

Дальский кивнул. Посмотрел на собеседника, определяя, не разыгрывает ли тот его, после чего подтвердил:

– Слышал.

– Вам будет предложен бессрочный контракт, который вы сможете прервать в любой момент. Только месяца за два предупредите хозяина или меня.

– А вы кто?

– Я – начальник службы безопасности господина Потапова. Не концерна «Росинтерн», а того, что касается его главы – личной жизни и всего, с нею связанного. В случае, если вы дадите свое согласие, об этом будут знать только три человека: вы, я и сам Максим Михайлович.

– А если я откажусь?

– Не думаю. За исполнение роли экранного олигарха вы получали двести у.е. за съемочный день, за исполнение же роли реального станете получать в пятнадцать раз больше, то есть три тысячи евро в день. Плюс премиальные, командировочные и, разумеется, спецодежда от лучших кутюрье.

– Что будет входить в мои обязанности?

– Видите ли, Максим Михайлович – человек очень занятой, у него запланировано огромное количество достаточно важных встреч, на которых по разным причинам он не хотел бы появляться.

– Бандитские стрелки?

– Господь с вами! Лет двадцать назад это могло быть актуальным, но тогда подобные проблемы я сам легко разруливал. Сейчас речь идет об имиджевых встречах, на телевидении, в благотворительных организациях, то есть о том, что только отнимает время от реальной работы.

– Но ведь мне, если я соглашусь, придется принимать решения.

– Вас заранее будут уведомлять о наших решениях. А вы можете говорить о чем угодно, если это никого не оскорбит и не затронет чьей-то безопасности.

Герман Владимирович замолчал, а Дальский откинулся на спинку кресла и вдруг почувствовал, что у него вспотела спина. В день три тысячи евро… Это же больше миллиона в год! Плюс еще что-то обещают подбрасывать в виде командировочных и премиальных.

– А вдруг я не справлюсь?

– Уволим. Но денег, что к тому времени выплатим, отбирать не станем. Они станут платой за молчание. Кстати…

Герман Владимирович полез в карман, а затем, приподнявшись в кресле, положил на скатерть рядом с тарелкой Дальского пачку фиолетовых купюр, перехваченных бумажной банковской лентой.

– Вот аванс. Или лучше сказать – подъемные. Данная сумма не входит в ваш гонорар. Гонорар начнем начислять с того дня, когда вы приступите к своим обязанностям. А последнее желательно прямо с завтрашнего дня.

Деньги лежали рядом с тарелкой, на которой сжались от ужаса соленые белые грузди.

– Здесь пятьдесят тысяч евро, – лениво продолжил Герман Владимирович. – Даже если вы сейчас или завтра откажетесь, эти деньги – ваши.

Дальский никогда не видел столько денег сразу. Он даже пятисотевровую банкноту не видел никогда, а тут их сразу сто – новеньких, гладеньких, никем ни разу не согнутых.

Кивнув, Алексей взял со стола пачку и, стараясь казаться небрежным, положил в карман.

– Согласен. Однако…

– Согласились, значит, никаких возражений. Вы, Алексей Алексеевич, подумали, вероятно: трудно быть точной копией человека, которого даже не видели. Но скажу вам вот что: с каждой минутой я все больше и больше восхищаюсь капризу природы. Поначалу я обратил внимание на вашу походку, черты лица, но теперь… – Герман Владимирович развел руки в стороны: – Невероятное сходство! У вас даже привычка кивать точно такая же, как у Потапова. Обычно люди, соглашаясь, говорят «да» одновременно с кивком, а Максим Михайлович и вы сначала киваете, а потом уж, словно оставляя себе пару секунд на раздумье, произносите это короткое, но ожидаемое собеседником слово.

– Надо же, какой вы наблюдательный! – удивился Алексей. – Я зачастую присматриваюсь к разным людям, чтобы по движениям, жестам, мимике, артикуляции понять их характер, а следовательно, и социальный статус…

– Ну, общественное-то положение можно определить и по тому, что на них надето – какая одежда, обувь, а главное аксессуары, – не дал актеру договорить Герман Владимирович. – Порой стоимость брючного ремешка скажет о доходах человека больше, чем золотые часы на запястье. Но мы отвлекаемся.

– Попрошу не перебивать меня, я еще не до конца высказал свою мысль, – остановил собеседника Алексей, заговорив голосом Потапова. – Я говорю о том, что любые действия политического деятеля или крупного бизнесмена достаточно предсказуемы, если мы точно знаем, с какой ноги он начинает движение и на какой части лба появляются морщинки, когда он задумывается.

Дальский произносил эту фразу и видел, как округляются глаза собеседника.

– Фантастика! Браво! – прошептал Герман Владимирович. Затем взглянул на свои часы. – Мы здесь ровно сорок две минуты. Давайте еще по рюмашке и поедем в парикмахерскую, чтобы вас подстригли и причесали, как нужно. Очки с простыми стеклами я подготовлю к завтрашнему дню. Максим Михайлович без очков показывается на людях редко, хотя может обходиться и без них, только мелкий газетный шрифт не может разглядеть.

Они выпили еще водки, после чего Герман Владимирович вдруг сказал:

– А теперь перейдем на «ты». Потому что мы с Максимом Михайловичем так общаемся уже почти двадцать лет. Он меня называет Германом, а я его по

имени-отчеству. Усек?

Дальский кивнул, поднялся с кресла и обвел взглядом помещение.

– А ты, Герман, не боишься, что здесь установлены камеры или микрофоны?

– Не боюсь, – усмехнулся новый знакомый. – Этот кабак принадлежит мне. Я его приобрел, чтобы не таскать на работу гречневую кашу в банке. А чужие здесь не ходят, потому что очень дорого.

Глава 7

Алексей вернулся домой около полуночи. В прихожей посмотрел на себя в зеркало: сходство с известным олигархом, несомненно, присутствует. Заметит ли Нина произошедшую с ним перемену?

– Надеюсь, не отказался от участия в рекламной акции? – спросила жена, появляясь на пороге комнаты.

– Это не реклама. Но я все равно обдумываю.

– Чего думать, если деньги предлагают! Что хоть за работа? Чес какой-нибудь?

– Ну да, гастрольный тур по Сибири и Дальнему Востоку. Меня разыскал Володя Цыдынжапов, бывший сокурсник. Он теперь крупный антрепренер в Бурятии.

– Вот видишь, не все твои друзья неудачники. Смог же этот Володя устроиться в жизни.

– Однако поездка может затянуться на несколько месяцев. Вероятно, придется уволиться из театра.

Нина задумалась, а потом спросила:

– Сколько сокурсник предлагает?

– Три тысячи в месяц.

– Три тыщи баксов? Соглашайся, не думай даже! А на театр наплюй. Где еще тебе такие деньги платить будут?

– А как же ты одна здесь?

– Перебьюсь как-нибудь. И потом, я давно уже сама о себе забочусь – на тебя-то никакой надежды.

Нина вернулась в комнату к дивану и сериалу про богатых и красивых. Дальский вошел следом и протянул жене две новенькие банкноты.

– Вот тысяча евро, Володя дал в качестве аванса.

Супруга схватила деньги и спрятала их в карман халатика.

– Смотри-ка, не утаил… Ну, уж ладно, может, и тебе сегодня ночью что-нибудь обломится. Или ты больше получил?

– Больше, – признался Алексей. – Но я истратил деньги в парикмахерской.

– Подстригся, что ли?

Нина посмотрела на него внимательно и скривилась.

– Слишком коротко, раньше лучше было.

Ночью ему ничего не обломилось.

Жена спала, повернувшись к нему спиной, а Дальский думал. Вспоминал минувший день, встречу с Германом Владимировичем и то, как тот, не уговаривая, сломал его. И обед, и разговор о еде, и вытащенные запросто из кармана сумасшедшие деньги, все оказалось не случайно, все было проделано

так, словно заранее спланировано. И в салоне известного стилиста их уже ждали. Хозяин вышел навстречу и, жеманничая, пропищал:

– Ой, вы так обросли, Максим Михайлович! Вроде бы совсем недавно стриглись. Вам, как всегда, Сонечку подавай, или вы предпочтете, чтобы я лично с вами сегодня поработал?

– Не дождешься, – ответил олигарх Потапов. – Соню зови!

Соня оказалась крашеной блондинкой с четвертым номером бюста. Пахло от нее теми же духами, что и от Вики Сосниной. Девица долго массировала Дальскому кожу головы, и он спросил, для того лишь, чтобы не молчать:

– Соснина не забегала?

Пальцы на его голове замерли. А потом Соня прошептала:

– Была сегодня с утра. Я ее случайно увидела – она же к Сереже ходит…

– Не одна зашла?

Дальский увидел, как отражение Сони кивнуло ему из зеркала.

– Не могу вас обманывать.

За прическу заплатил Герман Владимирович, протянув парикмахерше двести евро.

«Ого, – удивился Дальский, – за час работы месячная ставка ведущего актера театра!»

А вслух сказал:

– Герман, добавь Сонечке еще сотню – за честность.

В машине Герман Владимирович попытался его урезонить:

– Зачем эта самодеятельность? Так можно проколоться!

– А ходить к одному и тому же мастеру через день не прокол?

– Успокойся, настоящий Потапов сюда больше не придет. Выяснилось, что одна из горничных в его загородной резиденции прекрасно стрижет. Ни в одном салоне так не смогут…

Воспоминания о событиях сегодняшнего странного вечера еще больше взбудоражили. Заснуть не удавалось. Дальский вышел на кухню, заглянул в холодильник: на дверной полке обнаружилась бутылка водки. Откуда та здесь взялась и сколько уже стоит, Алексей вспомнить не мог. В бутылке едва ли набралось сто граммов. Он выплеснул водку в стакан для виски и выпил залпом. Сел за стол, достал из Нининой пачки тонкую сигарету и закурил.

Завтра он уедет из дома. Почему-то вдруг показалось – навсегда. И сердце у него при этом не защемило.

Нина давно не говорила ему о любви. Когда он слышал от нее ласковые слова в последний раз? До свадьбы? А сам-то верил в то, что обещал ей?

До свадьбы мужчины рассказывают сказки, а после свадьбы – жены.

Глава 8

Ему дали день на сборы, при этом сказав, что личные вещи с собой брать не нужно. Неужели придется одеваться в обноски олигарха? Хотя за миллион евро в год можно и походить в, так сказать, секонд-хенде от Армани и ему подобных. Но день – это слишком много, когда спешишь в новую жизнь, и слишком мало, чтобы проститься с самим собой…

Дальский вдавил кнопку звонка. За дверью – тишина. Потом хриплый голос спросил:

– Кто там?

Алексей для верности еще раз нажал на кнопку звонка и крикнул:

– Откройте – полиция!

Карнович приоткрыл створку и выглянул в щель.

– Чего пугаешь? Я же в глазок вижу, что это ты.

– А если видишь, зачем спрашиваешь? – хмыкнул Алексей и начал протискиваться в квартиру.

Но хозяин стоял на пороге, как скала. На Вадиме были широкие голубые джинсы на подтяжках. Черные подтяжки нелепо смотрелись на незагорелом белом торсе режиссера.

– Ты зачем на доске объявлений про меня гадость написал?

Карнович изобразил удивленное лицо.

– Я-а? Какую гадость?

– Разве не ты про какие-то сто рублей долга напоминал?

– Честное благородное слово, нет! – Вадим прижал руку к сердцу. – Мы же друзья, какие между нами могут быть сто рублей. Хотя, если все мои благодеяния вспомнить, ты мне не стоху должен, а все пятьсот.

Алексей достал из кармана брюк купюру в пятьсот евро и протянул другу:

– На, держи!

Потом из карманов куртки вынул две бутылки пива.

– А это проценты.

Ошеломленный Карнович слегка отступил.

– Откуда деньги, Леша? Ты что, свою Нинку зарезал?

Дальскому удалось все же протиснуться в квартиру. Он успел заметить, как за приотворенной дверью в спальню промелькнуло голое женское тело.

– Ты не один?

Карнович помялся и признался:

– У меня абитуриентка. Она в «Щепку» поступала, но срезалась на творческом конкурсе. Попросила меня позаниматься с ней актерским мастерством.

– Вадик, – шепнул другу Алексей, – тебе же пятьдесят лет! Мало, что ли, глупостей в жизни наделал?

– Честное благородное слово, между нами ничего нет! Только мастер-класс! Сегодня мы будем заниматься сценическим движением.

– Научишь ее передвигаться до магазина и обратно? – снова шепнул Дальский.

Режиссер ответил молча – прикрыв глаза и медленно склонив голову на грудь.

Они прошли на кухню, и Алексей сообщил, что получил предложение поучаствовать в антрепризе по городам Сибири, а потому он хочет написать заявление на предоставление ему творческого отпуска сроком на один год без сохранения жалованья.

– И сколько тебе пообещали за чес? – напрягся Карнович.

– Три тысячи долларов в месяц.

– О-о-о… – простонал Вадим. – А мне до конца дней придется гнить в нашем болоте… Кто там еще будет?

– Молодежь какая-то, я и не знаю их вовсе.

– Лешенька, друг ты мой единственный, замолви словечко! У меня ведь актерское образование, ты же знаешь! Я в Малом театре роль Гриши Незнамова играл с этой самой… ну, как ее… в роли моей матери Кручининой… Фамилия у нее еще такая стервозная! Народная артистка… Ну, ты понял, о ком я говорю.

Карнович выпрямился, оттянул подтяжки и шлепнул себя ими по голому животу.

– Леша, ты просто обязан составить мне протекцию! Иначе…

Вадим резко махнул рукой так, словно ребром ладони отрубал голову стоящему перед ними карлику.

– Иначе ты мне не друг!

– Да я сам с трудом устроился, – попытался объяснить Алексей.

– И пятьсот евро я тебе не верну никогда, – не мог угомониться Вадим.

Дальский понял, что отказываться бесполезно.

– Хорошо, я поговорю. А деньги оставь себе. Кстати, в нашем театре мои роли перейдут тебе, и ставка, соответственно, тоже. Зато не надо будет по гостиницам мыкаться, сосиски варить в рукомойнике при помощи кипятильника. Опять же абитуриенток там не будет.

Карнович задумался. И начал ходить по кухне.

– Ну-у, если роль пьяного гаишника перейдет ко мне, то у меня в загашнике есть собственная режиссерская находка. Помнишь, что он говорит: «Меня лишили прав»? Так вот, после слова «лишили» необходима пауза минуты на полторы. И уж потом надо говорить «прав». Затем гаишник должен сделать попытку изнасиловать Соснину. Ну, хотя бы одежду на ней разорвать немного, повалить на диван. А вот когда поднимется с нее, то есть с дивана, произнесет свою знаменитую фразу. «Ничего у нас с тобой не получится! А ведь я любил тебя!» И пойдет пить свой виски. Здорово, да?

На кухню тихо просочилась девушка, одетая в спортивную майку Карновича.

– Здравствуйте, – пропищала она, изображая смущение. – Меня Лика зовут. А вы Алексей, да? Я вас в театре видела. Вы в «Ревизоре» Ляпкина-Тяпкина играли.

– В «Женитьбе» Яичницу, – поправил девушку Дальский.

– Чего? – не поняла Лика и поправила волосы над ухом. – Но мне все равно очень понравилось.

Карнович внимательно следил за их диалогом, и его лицо изображало огромную душевную борьбу, словно он задумал нечто такое, чему противится все его существо.

– Послушай, солнышко, – произнес он наконец с нежностью, – я сейчас дам тебе денежку…

Вадим опустил руку в карман джинсов, вытащил пятьсот евро, посмотрел на купюру и хотел снова спрятать ее, но рука на полдороге дрогнула.

– На, – провозгласил он, протягивая девушке деньги, – сходи и разменяй. Сто… нет, пятьдесят обменяй на рубли, рубли обменяй на продукты питания и прочее. Все тащи сюда. Запомнила? Приносишь мне четыреста пятьдесят евриков и продуктов на оставшуюся сумму полностью?

– Да, – кивнула Лика, – только сейчас оденусь.

– Непременно, – согласился Карнович. – Кроссовочки свои надень обязательно, а потом бегом туда и обратно. Только смотри, мою маечку по дороге не порви.

– Хи-хи, – донеслось из коридора.

После чего звонко хлопнула входная дверь. Карнович открыл пиво и припал к горлышку. Алексей стоял и смотрел на друга.

– У меня есть еще одна режиссерская находка, – оторвался от бутылки Вадим. – В «Женитьбе» титулярный советник Яичница тоже приходит свататься. Так вот, лезет он в карман, предположим, за платком, чтобы пот со лба вытереть, а достает вареное яйцо, потом второе… И сам при этом удивляется молча – откуда, дескать. В смысле, я же Яичница, а яйца у меня вкрутую. Как тебе? Все упадут. А чего ты стоишь?

– Вадим, у тебя, я знаю, компьютер есть. Включи его, пожалуйста, хочу в Интернете кое-какую информацию найти.

Ноутбук нашелся на тумбочке в спальне. На нем лежали черные стринги. Карнович смахнул трусики на пол и открыл крышку.

Дальский занялся поисками. Ссылок на олигарха Потапова было много. Алексея интересовала его биография.

Как выяснилось, Максим Михайлович старше Алексея на четыре года. Родился будущий финансовый воротила в северном городе Вольфрам. Отец его был главным инженером металлургического комбината, а мать – директором местного театра. Высшее образование Потапов получил в Москве, закончив Академию народного хозяйства имени Плеханова, вернулся в родной город на комбинат к отцу и очень скоро стал заместителем генерального директора по экономике. Тогда же женился на своей однокласснице, и вскоре в молодой семье появился сын Денис. В настоящее время парню семнадцать лет, он первокурсник одного из московских вузов. Жена сейчас домохозяйка.

Больше ничего о личной жизни и о семье Потапова в Интернете не было, зато его состояние обсуждалось наперебой. Оказывается, Максиму Михайловичу принадлежат несколько горно-обогатительных комбинатов, комбинат «Вольфрам», в котором началась в свое время трудовая биография олигарха, банк «Росинтерн», акции многих других успешных предприятий. Родной город практически является собственностью Потапова, но горожане, судя по всему, только радуются этому, потому что проезд в городском транспорте там вдвое дешевле, чем в среднем по стране, лекарства в аптеках тоже почти даром, школьные обеды и учебники для детишек бесплатные, а у учителей зарплата, сопоставимая с той, какую получают чиновники в Министерстве народного образования.

Размеры личного состояния Потапова неизвестны, но предполагалось, что на счетах в западных банках у него не один миллиард и еще больше вложено в ценные бумаги западных корпораций. Также имеется недвижимость: отели и замки, которые сдаются в аренду. Плюс у него две яхты, личный самолет и прочая, прочая, прочая. Аналитики считают, что Максим Михайлович Потапов – самый богатый россиянин. Причем богатство его стремительно увеличивается, так как он контролирует более трети мировой добычи вольфрамовых руд, природных вольфроматов и вольфрамитов, соответственно, ему принадлежит более трети мирового производства вольфрама, цена на который за последний год выросла в два с половиной раза. Кроме того, предприятия Потапова производят металлы платиновой группы. А совсем недавно геологоразведка, оплаченная Максимом Михайловичем, подтвердила объемы запасов нефти в районе, считавшемся бесперспективным, а потому доставшемся Потапову буквально даром, хотя и через тендерные торги. По прикидкам геологов, нефти в ныне принадлежащем олигарху бассейне не менее пятнадцати миллионов тонн, не считая колоссальных объемов сопутствующего природного газа.

«Таким образом, – сообщал неизвестный исследователь доходов бизнесмена, – стоимость контролируемых Потаповым активов можно смело оценивать в двадцать миллиардов долларов, которые приносят около сорока процентов годовой прибыли. Личное же состояние можно с определенной долей вероятности оценить в пятнадцать-восемнадцать миллиардов».

«Бред какой-то! – воскликнул про себя Дальский. – Чем отличается личное состояние от стоимости активов принадлежащих человеку предприятий?» Стоп! Человеку? Алексей понял, что даже в мыслях он не может назвать Потапова человеком. Человек – это он сам, несчастный и нищий актер Дальский, человек – Вадим Карнович. Девочка, побежавшая в магазин за выпивкой и закуской, тоже человек, хотя и глупенький! Нина, грезившая о любви богатого и знаменитого, другие такие же, мечтающие о минимальном достатке и спокойствии, – люди. А Максим Михайлович – это монумент удаче и благополучию. Откуда вдруг все – ему одному?

– Слушай, – озабоченно произнес, входя в комнату, Карнович, – полчаса прошло, а ее все нет. Понимаешь? Обменник за углом, магазин, в принципе, тоже, а Лики нет.

– Вернется, – уверенно сказал Дальский, – ведь одежда девчонки здесь.

– Вся ее одежда не стоит и сотни баксов, а тут ей в руки попало полтыщи евро. Господи, какой я наивный! Какой доверчивый! Представляешь, что было бы, если бы я на ней женился?

Вдруг Вадим, нагнувшись над плечом Дальского, произнес задумчиво:

– Волчья пена…

– Что? – не понял Алексей.

– Или волчья накипь. Нет, лучше будет сказать – волчья пена.

– Ты о чем?

Карнович пояснил:

– Да вот, читаю на экране – «вольфрам», а это можно перевести с немецкого как «волчья пена». Я же немец по отцу. Карнович – фамилия матери, по отцу я – Штольц. Отец мой слово «вольфрам» ненавидел более всего на свете, даже вслух произнести не мог: он перед войной строил в Заполярье комбинат с таким названием. Зеки строили, а родитель мой зеком и был. По той самой пятьдесят восьмой чалился. Да еще немец к тому же по происхождению. Кстати, начальником стройки, да и всего Заполярлага, был генерал Риммер, тоже немец. Ты понял? Как-то отца доставили к нему. Генерал спрашивает: «Твоего отца случайно не Отто звали?» «Отто Генрихович», – отвечает папаша. Генерал обрадовался, говорит: «Мои родители батрачили на вашей ферме, я с Отто Штольцем вместе в школу ходил, и он меня вашей домашней кровяной колбасой угощал, которая у меня до сих пор поперек горла стоит. Деда с бабкой твоих мы в восемнадцатом году на яблоне рядышком повесили, а Отто сбежал тогда. Кстати, где он?» Отец отвечает, мол, Отто Штольц умер в Петрограде в двадцатом году от инфлюэнцы. Генерал Риммер огорчился, что не удалось Отто повесить, но сказал, что его сыну недолго осталось. Да только отец мой выжил и протянул аж до восемьдесят второго года. А вот что с генералом Риммером случилось, мне неизвестно.

«Риммер, Риммер… – закрутилось в голове Дальского. – Сегодня мне уже встречалась эта фамилия. Но где?»

На кухне зазвонил телефон, и Карнович рванул туда.

Наконец Алексей вспомнил: Риммер – девичья фамилия матери Максима Михайловича Потапова.

– Что? Мезенцева? Лидия Альбертовна? – кричал на кухне Карнович. – Не знаю я никакой Лидии Альбертовны! Что? Лика? Так бы сразу и сказали, а то официально, прямо как в морге, то есть в загсе…

«Римма Романовна Риммер, 1941 года рождения, – читал на экране ноутбука Дальский, – в замужестве Потапова, директор театра драмы в городе Вольфрам. Замужем за Потаповым Михаилом Игнатьевичем, 1909 года рождения. М.И. Потапов в 1936–1956 годах был политзаключенным, в 1958–1974 годах главный инженер металлургического комбината «Вольфрам», умер в 1974 году».

«Какая у родителей олигарха разница в возрасте! – удивился Алексей. – Надо же, тридцать два года! Максим Михайлович, стало быть, остался без отца, когда учился в начальной школе…»

В спальню влетел взбудораженный Вадим.

– Из полиции звонили! Представляешь, Лика пошла менять евро, а в обменнике без паспорта операции не совершают. К ней подошел на улице какой-то парень и предложил помочь. Она, наивная, достала деньги, а незнакомец выхватил купюру – и деру. Так она за ним помчалась, догнала, вцепилась в волосы, чуть глаза не выцарапала. Грабителя полиция спасла, вовремя наряд подъехал. Говорят, Лике тоже досталось – в том пацане, по их словам, центнер весу, и у него две судимости за грабежи.

– Есть женщины в русских селеньях, – отозвался Дальский, думая о своем.

Очень скоро восхищенные полицейские доставили девушку. На героине был форменный бушлат, а под глазом сиял фиолетовый фонарь. Лика обняла Карновича и тихо заплакала:

– Он вашу майку порвал! Мне так жалко, ведь вы предупреждали. Вадим Петрович, простите меня, пожалуйста!

– Мы это… бушлатом ее прикрыли, – пустился в объяснения сопровождавший Лику старшина, – а то как же… не могли же мы ее в обнаженном виде везти… ведь что люди подумают… общественность, опять же. Но бушлатик вы все равно, это самое, верните, он ведь казенный.

Лика вошла в спальню, чтобы переодеться, Алексею пришлось уйти на кухню. Он опустился за стол, машинально вылил из бутылки в стакан остатки пива. «Вот ведь какие сюжеты в жизни бывают! – не мог успокоиться актер. – Дочь генерала НКВД выходит замуж за бывшего зека старше себя на тридцать два года… И у них рождается сын Максим, который становится одним из самых богатых людей на земле…»

Было слышно, как за стеной Карнович благодарил девушку за преданность и верность. Лика вскрикивала, а потом засмеялась, счастливая. На кухне с открытым ноутбуком появился вспотевший Вадим.

– На, покопайся еще. Я сбегаю все-таки до магазина и обратно…

«Интересно, а на ком женился Максим Потапов?» – задумался Алексей. Известно уже, что на однокласснице, но следовало бы получше узнать и ее биографию в свете закрученности сюжета.

Светлана Валерьевна Степанова оказалась дочерью первого секретаря Вольфрамского горкома КПСС. Ну, теперь все понятно.

Дальский отодвинул компьютер и тут же сообразил, что ему, наоборот, ничего не ясно. Снова начал искать. Нашел, правда, нечто другое:

«Риммер Роман Захарович (Рихард Зигфридович) 1906 г.р., генерал НКВД (1938 г.), начальник Заполярлага (1937–1942 гг.), заместитель Народного комиссара вооружений (1942–1946 гг.), заместитель министра среднего машиностроения СССР (1946–1964 гг.), заместитель председателя Совета министров РСФСР (1964–1968 гг.), председатель Совета Министров РСФСР (1968–1969 гг.), управляющий делами ЦК КПСС (1969–1977 гг.). С 1977 года пенсионер союзного значения. Член ВКП(б) с 1925 года. Член ЦК ВКП(б) с 1942 года. Член Президиума ЦК КПСС с 1968 года. Лауреат Сталинской премии 1942 года, Герой Социалистического Труда (1946 г.)».

На кухне появилась Лика. На сей раз на ней была полосатая рубашка Карновича.

– Я очень волнуюсь, – вздохнула она, – Вадима Петровича нет уже двадцать минут.

– Ребята, а почему бы вам не пожениться? – не то спросил, не то предложил Дальский. – Из вас бы получилась идеальная супружеская пара.

Лика смутилась и вернулась в спальню.

Алексей набрал номер сотового Карновича.

– Ты где?

– Поднимаюсь по лестнице… Уже у двери стою…

– А почему бы тебе не жениться на Лике?

Дверь распахнулась, вошел Вадим, в одной руке держа пакеты с провизией, второй прижимая к уху мобильник. Так и прошествовал на кухню, продолжая говорить в телефон, хотя видел, что Дальский вот он, сидит за столом, потягивая пивцо.

– Старик, я же старше ее на тридцать два года.

Наконец режиссер отключил аппарат, положил его на стол и посмотрел на Алексея так, словно именно сейчас ему пришла в голову гениальная мысль.

– А в самом деле, почему нет? Но с другой стороны, когда мне будет всего-навсего восемьдесят два, Лике стукнет уже пятьдесят…

Глава 9

Дальский стоял возле репертуарной тумбы и просто наслаждался солнцем, подставляя ему лицо.

Полчаса назад он отдал заявление с просьбой о творческом отпуске за свой счет. Его тут же подписал директор театра Долгополов, сказав при этом, что с возвращением можно не спешить, ведь такой талантливый актер, как Алексей Дальский, наверняка сумеет хорошо устроиться в жизни. Алексей хотел сказать, что уже устроился, но не успел: в тот момент ему позвонил Герман Владимирович и спросил, где они могут сейчас увидеться. Дальский ответил негромко, что будет ждать у театра. И уже около получаса стоял, ожидая посланный за ним автомобиль.

Мимо прошла Виктория Соснина. Актриса мимоходом кивнула, но именно этот кивок свысока почему-то задел Алексея.

– Вика! – крикнул он вслед девушке.

Та остановилась, и Дальский шагнул к ней.

– Я, вероятно, уйду из театра, – произнес, улыбаясь.

– Очень жаль, – без всякого сожаления произнесла Соснина. – Вы замечательный партнер. Сестра сказала, что вы были самым талантливым на курсе.

– Как она?

– Уже год как вдова.

Дальский кивнул, показывая, что знает об этом.

– Вероника хочет вернуться в профессию, но не в театр, – продолжала Виктория. – Я обещала ей поговорить с продюсерами, думаю, что получится помочь. А вы бы зашли к ней… Она помнит вас и все время интересуется, как вы.

В кармане Дальского снова затренькал мобильник.

– Я стою за углом, – услышал Алексей в трубке. – Не говори сейчас вслух ничего, когда распростишься с Викой, тогда и подходи.

Герман Владимирович приехал на другом автомобиле, причем за рулем сидел не сам, а водитель. Перед лимузином и позади него стояли два одинаковых черных внедорожника с тонированными стеклами. Дальский приблизился к роскошному автомобилю и заметил, что за ним с другой стороны улицы наблюдает обалдевший от увиденного директор театра Долгополов.

Не успел Алексей опуститься на сиденье, как между пассажирским диваном и передним отсеком начала подниматься непрозрачная ширма из темного стекла.

– Как эта машина называется? – поинтересовался Дальский.

– «Бентли». Бронированный, кстати. Нам надо быть осторожнее. Отныне ты – Максим Михайлович, и никто, включая охрану и водителей, не должен сомневаться в этом. Когда мчались за тобой, я сказал шоферу, что хозяин ждет нас возле театра. Но Сережу удивило не то, что Потапов оказался здесь без охраны, а то, что ты без очков. На-ка вот, нацепи и носи, не снимая.

Герман Владимирович протянул Дальскому футляр из крокодиловой кожи. Алексей открыл и увидел небольшие прямоугольные очки в тонкой золотой оправе. Надел их и удивился:

– Кстати, стало лучше видно.

Герман Владимирович посмотрел на него внимательно, словно сравнивая копию с оригиналом, и усмехнулся:

– Обычные стекла, но очки стоят столько, что через них можно Америку увидеть. И тут же спросил: – С домом попрощался?

– С каким? – не понял Дальский. – Я только жену предупредил, что предстоят длительные гастроли.

Он поднял глаза на собеседника, и тот вдруг отвернулся, словно попытался что-то скрыть.

За тонированными стеклами проносились дома и автомобили.

– Роль я получил, а когда начнется репетиционный период? – поинтересовался Алексей. – И потом, вероятно, я должен лично познакомиться с прототипом моего персонажа?

Герман Владимирович продолжал рассматривать пролетавшие мимо городские пейзажи и молчал. Дальскому даже вдруг показалось, что сейчас ему будет объявлено о том, что контракт отменяется. Стало обидно, и сердце сжалось, как будто его вот-вот лишат роли, о которой он мечтал всю жизнь. Что, если и аванс попросят вернуть? А ведь часть денег уже истрачена… Все это пронеслось в мозгу быстро-быстро, гораздо быстрее зданий и машин, мелькавших по сторонам.

– Ты очень похож на Потапова. – Герман Владимирович оторвал наконец взгляд от окна. – Я даже не ожидал, что будет такое сходство. Однако разница есть: у Максима Михайловича нос с небольшой, едва различимой горбинкой, а у тебя прямой, как доска. Губы у него, пожалуй, немного тоньше, и залысины начинают обозначаться. К тому же ростом он выше на один сантиметр.

– Сантиметр – это ерунда, – попытался возразить Дальский, – никто же не собирается бегать за мной с рулеткой.

– Да, ерунда, – согласился Герман Владимирович. – В конце концов можно сделать пластику – форму носа чуть изменить, губы подрезать.

– Губы не надо. Я могу их поджимать немного. А нос…

– Короче! – не дал актеру договорить работодатель. – Репетировать начнем прямо сегодня. Потапов ночью улетел в Лондон, оттуда рванет в Штаты, потом заскочит в Цюрих, а затем отправится в свой родной город – дней через десять, судя по всему. К тому времени нам нужно подготовиться к выходу на большую сцену. А первая репетиция уже сегодня. Ты встретишься с одной девушкой и скажешь ей, что это последнее ваше рандеву, что она видит Потапова… то есть тебя, в последний раз.

– Другими словами, я должен от имени Максима Михайловича порвать отношения, закончить надоевший роман. Мне следует как-то объяснить разрыв?

Или достаточно грубо…

Герман Владимирович, задумавшись на мгновение, перебил его, чуть понизив голос:

– Нет, грубо не надо. Потапов никогда не выходит из себя и не унижается до того, чтобы оскорблять зависящих от него людей. Просто скажи, что тебе все известно об ее отношениях с другим мужчиной и ты не хочешь им мешать. Если девушка начнет опровергать свой роман на стороне, положи на стол компрометирующие ее фотографии и уйди.

– А если нас увидит кто-то, кому известно, что Максим Михайлович сейчас в Лондоне? Или вдруг девушка сама это знает?

Герман Владимирович покачал головой.

– У вас встреча в том самом ресторанчике, который мы с тобой посетили вчера. А вот фотографии, ознакомься.

Начальник личной охраны олигарха достал из кармана пакет и протянул Дальскому:

– С девушкой ты, кстати, знаком.

Алексей подумал, что как-то неловко рассматривать чужие фотографии, но поскольку конверт вручили именно для того, чтобы он посмотрел, вынул снимки, вернее, выдвинул из конверта увесистую пачку и взглянул мельком. И тут же оторопел. Потому что увидел Вику Соснину, которая прижималась к Макару Башкирцеву, пытаясь заглянуть ему в глаза. Слащавый и бездарный Башкирцев был звездой сериалов. Правда, теперь его все больше приглашали на полный метр, и только что он поучаствовал в Голливуде в какой-то постановке про русскую мафию. В свои двадцать семь актер стал тем, кем Дальскому не стать никогда – звездой и мечтой женщин.

– Каков пострел! – не то вздохнул, не то восхитился Герман Владимирович.

– Может, у них деловые отношения, – попытался заступиться за коллег Дальский.

– Это самая невинная фотография, а вообще их почти сто штук. Впрочем, ваше с Викой последнее свидание состоится вечером. А сейчас заедем ко мне домой, ты посмотришь видео с Потаповым: семейные съемки, тусовки и деловые встречи. Увидишь, как он общается с разными людьми. За сегодняшнее рандеву я не боюсь, а уже начиная с завтрашнего дня мы с Викой все равно больше пересекаться не будем.

Насчет последнего Алексей посомневался бы, но спорить с работодателями не в обычаях нищих актеров, и он промолчал.

За Викторию было обидно. А заодно стало жаль и ее старшую сестру Веронику, из которой не получилось актрисы и которая мечтает сейчас лишь о том, как бы получить хоть какую-нибудь роль в одном из бесконечных и занудных сериалов, где есть все, кроме настоящей жизни и настоящих героев. Да и Вика, востребованности которой он, может быть, и завидовал немного, вряд ли счастлива, – ее судьбой распоряжается не лично любовник-олигарх, а его охранник.

Подумав так, Дальский вдруг понял: теперь и он сам не хозяин себе, им уже распоряжаются незнакомые люди – к тому же предупредившие, что надо быть поосторожнее. Бронированный автомобиль – это хорошо, конечно, да и личная охрана тоже неплохо, о подобном мечтают многие, но нормальному человеку более всего хочется ничего не бояться.

Квартира главного телохранителя известного олигарха походила скорее на гостиничные апартаменты. Возможно, она Герману Владимировичу и не принадлежала, а использовалась как служебное жилье. Или для встреч миллиардера с популярными молодыми актрисами.

Дальский сидел в мягком кресле перед огромным плоским экраном и внимательно наблюдал, как двигается, как говорит, как подмигивает в камеру Максим Михайлович Потапов. Наблюдал, запоминал, иногда повторял.

Герман Владимирович поставил перед ним тарелки и контейнеры с едой. Похоже было, что все эти салаты, колбасу и рыбу доставили из принадлежащего ему ресторана.

На экране телевизора появился празднично накрытый стол, во главе которого восседал олигарх. Алексей тоже взял в руки нож и вилку и стал копировать. Камера пробежалась по лицам сидящих за столом людей, и некоторых Дальский уже узнавал: вот жена Потапова, Светлана Валерьевна, сын Денис, мать олигарха Римма Романовна, ближайший друг бизнесмена и вице-президент концерна «Росинтерн» Федотов… Присутствовали и несколько молодых людей с девушками: молодежь казалась напряженной и несколько испуганной от того, что сидела за одним столом со столь известным и богатым человеком.

– День рождения Дениса в апреле нынешнего года, – объяснил Герман Владимирович. – Парню исполнилось семнадцать, и он пригласил в дом нескольких своих сокурсников. Больше эти гости в дом не приходили. Впрочем, у Дениса теперь и своя квартира имеется.

– Послушный мальчик? – поинтересовался Дальский.

Герман Владимирович посмотрел на него и усмехнулся.

А на экране Максим Михайлович поднял бокал и обычным голосом, просто, без всякого пафоса произнес тост:

– Денис, и вы, ребята, послушайте меня. Вам повезло вступать в жизнь в замечательное время, когда возможно многое. В мои годы достичь чего-то было значительно труднее, даже, пожалуй, практически невозможно…

«Ого! – удивился про себя Дальский. – И это говорит внук высокопоставленного советского руководителя, зять секретаря городского комитета КПСС!»

А вслух произнес:

– Герман, ты говорил, что фамилия Риммы Романовны – Риммер. Кажется, был партийный деятель с подобной фамилией.

Главный секьюрити олигарха кивнул.

– Роман Захарович Риммер. Это родной дед Максима. Только он бросил семью, когда дочке и года не было. Уехал в Москву на повышение, а семью так и не вызвал к себе. Больше он не женился. Да и в разводе официальном, кажется, не был. На похороны жены прислал телеграмму с соболезнованиями на правительственном бланке. Максим видел деда всего раз в жизни, когда с матерью ездил в Москву. Тогда они простояли пять часов в очереди, чтобы посетить Мавзолей, и почти столько же поджидали родственника во дворе его дома на Кутузовском проспекте. Роман Захарович подъехал, о чем-то недолго поговорил с дочерью и вошел в охраняемый подъезд. Через пять минут во двор выскочила домработница и протянула Максиму книгу деда. Томик назывался «В годы испытаний», а на титульном листе стояла надпись: «Максиму от автора. Будь стойким борцом за светлое будущее!»

– Пожелание сбылось, – рассмеялся Дальский.

Но Герман Владимирович посмотрел на него строго.

– Зря я тебе рассказал… Но, с другой стороны, если мне это известно, то и от тебя вряд ли бы Максим Михайлович стал скрывать.

Он остановил запись и вернулся к тому моменту, когда Потапов, не вставая со стула, поднял бокал и начал произносить тост.

– Да, практически невозможно. Благодаря усилиям многих людей ситуация изменилась. Возможно, вы сумеете подняться высоко, достичь определенного положения в обществе. Но хочу пожелать вам всем всегда оставаться добрыми и отзывчивыми, оценивать людей не по размерам их капиталов, не по занимаемой должности, а по душевным качествам…

Оператор грамотно ушел с крупного плана, чтобы показать панораму всего стола и лица молодых гостей, внимающих речам олигарха. От Дальского не укрылось, как жена Максима Михайловича, смотревшая до сих пор в стол, отвернулась в сторону и как Денис нетерпеливо поднимал все выше и выше бокал, наполненный шампанским.

А Потапов продолжал говорить спокойно и без эмоций:

– Не бывает плохого времени или хорошего. Добро и зло внутри человека. Помните об этом. А тебе, Денис, хочу пожелать побольше настоящих друзей и поменьше случайных связей. Помнится, тебе как-то понравились мои часы…

Максим Михайлович оторвал от стола левую руку, поставил бокал, и опытный оператор вновь увеличил план, чтобы показать, как расстегивается золотой браслет.

– Возьми их себе на память о своем семнадцатилетии и о том, что я пожелал тебе сегодня.

– Лучше бы деньгами, – пробурчал довольно громко Денис. И тут же залпом осушил свой бокал.

Потапов наблюдал за ним внимательно, потом поднялся из-за стола.

– Извините, у меня дела…

Бросил короткий взгляд на жену и ушел. Опытный оператор сфокусировал внимание зрителей на бокале с шампанским, к которому олигарх так и не притронулся.

Герман Владимирович вновь остановил запись и посмотрел на Дальского.

– Ну и какова судьба часов? – спросил тот.

Главный секьюрити олигарха усмехнулся:

– А ты не так прост…

Затем Герман Владимирович достал из кармана и положил на стол те самые часы.

– На следующий день Максим Михайлович дал сыну денег, а часы забрал. Только ни разу их больше не надел, а купил себе точно такие же. Эти можешь взять на период действия контракта.

Они еще около часа крутили домашнее видео семьи Потаповых. Потом Герману Владимировичу позвонили, и он умчался куда-то. Дальский продолжал смотреть на экран, хотя уже без особого внимания: типаж персонажа, которого ему предстояло сыграть, был понятен, многие характерные жесты и любимые словечки Максима Михайловича запомнились. Несколько дней репетиций, и Алексей сможет стать похожим на Потапова больше, чем тот сам похож на себя. Вот только небольшая горбинка носа да почти незаметная родинка на щеке возле мочки уха…

Зазвонил мобильник. Алексей взглянул на экран телефона – Вадим. Пришлось отвечать.

– Ты про сибирский чес правду сказал или так, трепался? – Голос друга был напряженным и резким.

– А в чем дело? – не понял Дальский.

– По театру слух пошел, будто бы тебя в Голливуд выписали.

– Вранье.

– Сволочь ты! – рявкнул Карнович. – Не меньше десяти человек могут подтвердить, что видели, как ты садился в «Роллс-ройс».

– Это был «Бентли», – уточнил Алексей.

– Ага, ты не сволочь. Ты – подлец!

– Хорошо, – вздохнул Дальский, – я возвращаюсь в театр. Долгополов сказал, что примет меня обратно, а то мои роли некому исполнять.

В трубке наступила тишина: было похоже, что Карнович растерялся.

– Ты это, не обижайся, – произнес наконец Вадим. – Мало ли чего я ляпнул сгоряча. Прости. Езжай в свою Сибирь или в Голливуд. Куда хочешь, одним

словом. Только меня не забывай, звони хоть иногда.

Они поговорили еще немного.

Попрощавшись с другом, Дальский заглянул в холодильник. И обнаружил там начатую бутылку виски – «Hankey Bannister», двадцать один год выдержки.

Выпил рюмочку.

Потом вспомнил, что он олигарх, и выпил еще две.

Вскоре вернулся Герман Владимировичем с костюмом от Потапова. Одежда оказалась в самый раз. Рубашку и галстук надевать не пришлось, так как в будничной жизни олигарх предпочитал носить под пиджаком пуловер из тонкого хлопка. Пуловер тоже оказался в самый раз.

Затем Дальского опрыскали любимым парфюмом олигарха и отправили на свидание с актрисой.

Потапов не только назначил прощальную встречу с любовницей в ресторане, принадлежащем своему главному охраннику, но и в том самом кабинете, где накануне Алексей давал согласие на работу в качестве дублера олигарха. Но на сей раз Дальского подвезли не к парадному входу, а к тому, что во дворе. Водитель Сергей вышел и открыл перед Алексеем дверцу лимузина, оставшийся в машине Герман Владимирович вручил ему большой букет орхидей. Створка тайного входа в ресторан была узкая и металлическая, но когда она как бы нехотя отворилась, актер увидел, что не всякий сейф оборудован подобными запорами. Дальского встретил охранник, который выпрямился и доложил:

– Ресторан закрыт. В зале никого. Персонал заблокирован в служебных помещениях.

– Расслабься, – посоветовал парню Алексей и двинулся вперед по неширокому коридору, в конце которого должен был находиться кабинет.

Вика уже сидела за столом. Она приподнялась, вернее – попыталась подняться при его появлении, но Дальский опустил на ее плечико ладонь и не позволил встать. Положил цветы на стол и поцеловал в подставленную щечку. При этом подумал: «А может, следовало наоборот: сначала поцеловать, а потом уж расставаться с букетом?» И сам же понял, что это мелочь, на которую не стоит обращать внимание.

– Мой любимый запах! – восхитилась Виктория ароматом мужского парфюма. Затем улыбнулась ласково: – И виски.

– «Hankey Bannister», – подтвердил Алексей, – пятьдесят граммов за окончание рабочего дня, для снятия усталости.

Он опустился за стол и посмотрел, чем же сегодня их собрался угостить Герман Владимирович. В ведерке со льдом покоились две бутылки шампанского. Дальский достал одну и начал открывать. Виктория внимательно наблюдала.

– Ты не хочешь шампанского? – удивился Алексей.

– Хочу, – кивнула девушка. – Просто ты сегодня открываешь бутылку, как официант, через салфетку. А всегда любил, чтобы пена брызнула.

– Времена меняются, – усмехнулся Дальский, – и мы вместе с ними.

Произнес эти слова и понял, что теперь будет легче перейти к главному.

Наполнил бокалы, подождал, когда осядет пена, и долил Вике.

– А почему орхидеи? – спросила актриса. – Обычно ты дарил розы…

– Все меняется, – напомнил Алексей.

Ему вдруг стало жалко простенькую дурочку. Хотя почему дурочку? Вика завела роман с одним из богатейших людей страны, и дела у нее сразу пошли в гору. Она со своими весьма средними способностями и в театральное-то училище попала, потому что муж старшей сестры был известным деятелем театра и кино. Потом, кое-как закончив учебу, с трудом устроилась в театр, где перспективы

были более чем туманные – разве что произносить «Кушать подано!». Для провинциалки это верх мечтаний. Потом Виктория познакомилась с олигархом, снялась в нескольких популярных сериалах, стала ведущей актрисой театра, и на спектакли валом валят молоденькие девочки лишь для того, чтобы поглядеть на Соснину. А таланта как не было, так и нет, только хорошая фигура и обаяние наивной молодости. Умение хлопать ресницами, изображая соблазненную и покинутую в телевизионном «мыле», вряд ли сделает из расчетливой девочки великую актрису, зато дает возможность получать за съемочный день столько, сколько получает в театре отнюдь не бесталанный Вадим Карнович за год.

Алексей поднял бокал.

– Выпьем за то, чтобы у тебя было побольше настоящих друзей и поменьше случайных связей.

Вика поднесла бокал к губам и даже сделала небольшой глоток, но вдруг замерла.

– Ты о чем?

– Пей, – улыбнулся Дальский и подмигнул, совсем как Потапов, – сейчас объясню.

Осушить бокал для Виктории оказалось непростым делом. Она пила маленькими глотками. Шампанское, судя по всему, ударило ей в нос, и девушка ладошкой провела по лицу. Дальский отвернулся, чтобы не смущать свою визави.

– Орхидеи… Когда Сергея Борисовича хоронили, вся могила его была завалена орхидеями, – не к месту вспомнила актриса.

Она говорила о похоронах мужа старшей сестры, на которые, естественно, Дальский приглашен не был.

– Милая… – машинально произнес Дальский голосом своего бывшего ректора и осекся, поняв, что близок к провалу. Тут же перестроился и продолжил голосом Потапова: – Театр – это театр, а жизнь – это жизнь. Когда видишь предательство на сцене или на экране, сопереживаешь, может быть, но когда тебя используют в жизни, то на сопереживание лучше не рассчитывать. Мне тут подкинули пачку

с кое-какими фотографиями… Я даже не стал просматривать их до конца, только забрал у папарацци камеру, чтобы тот не смог сделать копии.

Алексей достал из внутреннего кармана пиджака конверт со снимками и положил перед Викой.

– Возьми их на память.

Соснина вынула из конверта отпечатки и почти сразу стала пунцовой.

– Какая грязь! – Голос ее упал до шепота.

– Почему? – удивился Дальский. – Вы прекрасная пара – смотритесь рядом замечательно. Только я не привык хлебать с кем-то из одной плошки. Думаю, ты меня поняла?

Однако Виктория еще надеялась на что-то.

– Понимаешь, нам предложили роли в одном проекте, где мы должны будем играть влюбленных, вот я… то есть мы…

– Успокойся, я не в обиде.

Лицо Вики стало совсем красным. Наконец ей стало ясно, что жизнь меняется, причем явно не в лучшую сторону.

– Мы просто… – Девушка была готова расплакаться.

– Успокойся, – повторил Алексей. – Давай еще по бокальчику шампанского?

– Не хочу. Поехали отсюда! Я докажу, что люблю только вас!

Виктория неожиданно перешла на «вы», тут же испугалась – она таким образом словно сама воздвигла стену между собой и любовником-олигархом.

– Не надо мне ничего доказывать, – покачал головой Дальский, наполняя бокал Вики. – Макар – человек талантливый, популярный. Ты – тоже. Вы вполне гармоничная пара. Вами будут восхищаться и предлагать вам разные проекты. Пей шампанское!

Вика послушно подняла бокал. И стала пить вино поспешно, как будто хотела захлебнуться.

– Закуси! – посоветовал Алексей, указав на блюдо с нарезанной осетриной.

Та тряхнула головой, отказываясь.

Но олигарх был настойчив. Подал своей бывшей любовнице вазочку с черной икрой, сам зачерпнул ложечкой и поднес к дрожащим губам девушки.

– Кушай, милая, не то опьянеешь.

Вика опять тряхнула головой. Алексей сам съел икру, бросил взгляд на свой бокал и, увидев, что в нем еще есть вино, одним глотком допил.

А Соснина вдруг рассмеялась.

– Гармоничная пара… – произнесла с издевкой. – Гармония… Сергей Борисович любил повторять, что гармония и есть бог. Он Веронику любил непонятно за что, а сестра была к нему равнодушна. Понимала, конечно, что обязана мужу всем. Хотя чем, собственно? Что ребенка родила и карьеру не сделала? А я его слушала и верила, что всем в мире управляет гармония. А потом поняла: ерунда это. Вот, например, если мне нравится молодой человек, то это вовсе не значит, что и я ему сразу же понравлюсь. Зато где-то есть кто-то, который любит меня и, вполне вероятно, безответно. На чувство любви не обязательно отвечают…

– Где-то… кто-то… – прервал Дальский голосом Потапова.

Сейчас он пытался изобразить не раздражение услышанной банальностью, а просто спешку. Даже взглянул на золотые часы на своем запястье. Посмотрел на циферблат, на россыпь мелких бриллиантов – и восхитился роскошью.

– Гармония… – вздохнул Алексей. – Кто бы понимал, что это такое! Где-то убудет, а где-то подобного прибудет столько же. Это еще Ломоносов сказал.

Виктория дернула плечиком.

– Если вы, Максим Михайлович, никого не любите, то это не значит, что все будут любить вас, – закончила она свою мысль.

И сама испугалась своей смелости.

– Простите, – совсем тихо произнесла она, глядя в стол.

– Да ладно, – усмехнулся Алексей, поднимаясь. – Прощай, родная. Желаю тебе счастья.

Хотел повернуться и уйти, но остановился. Потом расстегнул браслет, снял с руки золотые часы и положил их прямо на пачку фотографий.

– Возьми на память!

Девушка протянула к часам руку так резко, словно собиралась отбросить их в сторону. Но рука повисла над столом. Вика посмотрела на олигарха и прищурилась.

– Я только сейчас заметила, как вы похожи на одного человека. То есть он похож на вас. Но вы с ним абсолютно разные. Он очень добрый, а вы…

– А я очень злой, – едва не рассмеялся Дальский.

После чего повернулся к выходу:

– Всего хорошего!

Он вернулся в автомобиль и, когда «Бентли» мягко тронулся с места, сообщил Герману Владимировичу, что подарил Вике на прощание часы.

– Вычтем из зарплаты, – покачал головой главный телохранитель олигарха. – Часики сотню тысяч евро стоят. Но ты ведь человек богатый, можешь себе позволить красивой девушке дорогой презент преподнести…

Дальский промолчал. И обрадовался, что спутник тоже больше ничего не говорил.

Глава 10

…Они перенесли трупы в здание вокзала, где в зале ожидания среди разбитых деревянных кресел лежали тела убитых солдат. Тут же на полу спали или пытались заснуть, хоть немного отдохнуть те, кто выжил после ночного боя. Сержант, опустившись на корточки возле подоконника, закурил. И подоконник, и все вокруг было засыпано мелкой крошкой оконного стекла и ошметками дерева. Остатки оконных рам болтались в проеме, словно обгрызенные какими-то животными, злобно вонзавшими в них свои зубы. Где-то далеко раздавались автоматные очереди и частые одиночные выстрелы, но после сумасшедшей ночной перестрелки, грохота, взрывов, криков людей Дальскому казалось, что наступила почти тишина. Хотя он осознавал, конечно, что затишье это ненадолго, каждая следующая секунда может стать началом нового ужаса.

– Я понял, почему нам приказали вокзал держать, – произнес сержант. – Хотели, вероятно, по железной дороге подкрепление нам направить. – Парень сплюнул себе под ноги и выругался: – Козлы! Наш-то эшелон непонятно как проскочил, а следующий наверняка чечены под откос пустили. Ну, и что теперь? Еще одна ночь, и нам тут трындец! Нас всего, включая легко раненных, не больше сотни осталось.

Сержант был прав, но обсуждать то, что уже случилось, а тем более говорить о предстоящей смерти Алексею не хотелось. Он отвернулся и увидел бойца, который ходил, старательно огибая трупы и лежащих на полу живых, задерживаясь на пару секунд возле каждого и заглядывая в лицо. Солдатик прижимал локти к бокам и держал руки так, словно ехал на детском велосипедике.

– Из моей роты, – пояснил сержант, тоже заметивший странного парня. – Фамилию вспомнить не могу. У него крышу снесло.

Боец осторожно подкрался к ним, продолжая держать перед собой руль воображаемого велосипеда, наклонился к Дальскому, потом выпрямился, удовлетворенный.

– Вы тоже из массовки? – спросил он и обернулся к сержанту.

– Что? – не понял тот.

– Это же кино снимают, – объяснил помешанный, продолжая разглядывать Алексея. – Ведь правда?

– Правда, – подтвердил Дальский.

– Я всем так и говорю, а мне почему-то не верят. Но я не хочу больше сниматься…

Помешанный заплакал, однако только голосом – слез на его вымазанном копотью лице не было. И продолжил уже сквозь всхлипыванья, одновременно странно улыбаясь:

– Это ваша профессия в кино сниматься, а я домой хочу. У меня мама на студии Горького оператором комбинированных съемок работает. Она наверняка где-то здесь, вот я ее и ищу.

Подошли еще двое солдат. Один из них протянул сержанту пластиковую бутылку пепси, а второй, с погонами старшего сержанта, легонько похлопал помешанного по плечу. Тот вздрогнул и отступил на шаг.

– Слышь, Лебедев, – заговорил старший сержант, – тебя, кажется, мать ищет.

– Где? – не поверил несчастный.

– У билетных касс.

– Ты не врешь?

– Ей-богу, – кивнул, подтверждая свое вранье, старший сержант. Потом достал из кармана шоколадный батончик и протянул парню. – Она тебе «Сникерс» просила передать. Иди скорее к ней.

Помешанный повернулся и пошел дальше по залу, старательно огибая трупы, как и прежде заглядывая в мертвые лица.

– В другую сторону двинул, – вздохнул старший сержант. – Жалко парня. Перед вокзалом автобус стоял, так в нем огневую позицию организовали. А ночью по нему танк прошелся, давил всех, кто в автобусе засел. Пока ты его не подбил.

Последняя фраза была обращена к Дальскому.

– Ты что, танк подбил? – удивился сержант, с которым Алексей познакомился накануне.

– Да вроде.

– Из подствольника, что ли?

– Не, из «РПГ», – объяснил за Дальского старший сержант. – Артист так шандарахнул, что у танка башню снесло. А потом мы из раздавленного автобуса Лебедева вытащили, всего в чужой кровищи. Как выжил – непонятно, а вот умом тронулся. Любой бы тронулся, когда рядом с тобой друзей гусеницами давят.

Алексею протянули бутылку, он приложился к горлышку и сделал глоток. Газировка оказалась теплой и с сильным привкусом кирпичной пыли. Дальский сделал второй глоток и понял, что это его собственное горло забито пылью и гарью.

– На вокзальной площади ларьки были, но мы их не трогали. А сейчас от них ничего не осталось, разве что сигарет мы насобирали да пару баллонов колы нашли. А вчера там столько пива было! Но все бутылки пулями и осколками переколошматило. Сегодня бы пивко не помешало.

Говорить ни о чем не хотелось. Старший сержант опустился на пол и посмотрел на Дальского.

– Слышьте, братаны, нам бы покемарить пару часиков. Может, посидите за нас возле выхода на платформы? Там наши пацаны с пулеметом. Им бы тоже отдохнуть…

Алексей с сержантом поднялись с пола и пошли мимо мертвых и обессиленных живых.

– Слышь, артист, – заговорил через минуту сержант, – давай договоримся: если вдруг кого-нибудь из нас… а другой жив, то пусть он позаботится о тех, кто дома остался. У меня мать в Старой Руссе и сестра младшая. Мать больная, у нее гипертония, а сестре двенадцать лет всего.

– Я понял, – кивнул Дальский. – Только мы должны оба отсюда выбраться.

– Меня, кстати, Петром зовут, – представился сержант и протянул Алексею руку. – Да уж, брат, надо постараться выжить, а то уж очень мне здесь подыхать не хочется.

Часть 2

Глава 1

Просторный дом был сложен из бревен лиственницы и стоял в сосновом лесу на берегу озера с темной водой. Вода была неподвижной, только белые облака проплывали стремительно по черной глади, словно спешили поскорее миновать этот бездонный провал. Спальная хозяина находилась на втором этаже, и о стекла двух ее окон терлись ветки сосен. Иногда сверху срывались шишки, которые стукались о подоконник, кувыркаясь, отлетали и бесшумно пропадали в мягком ковре из опавшей хвои.

Ровно в семь утра Алексея будила писклявая мелодия электронных часов. Подниматься так рано не было ни необходимости, ни желания, но нужно было соответствовать: Потапов спал не более шести часов. И даже если олигарх ложился спать после часа ночи, вставал все равно в семь ноль-ноль.

Будильник пиликал тему из старого фильма «История любви». Причем мелодия звучала в таком темпе, словно это спрятавшийся под прикроватной тумбочкой лилипут-горнист выдувает побудку для армии злобных маленьких солдат, которые вот-вот выскочат из всех щелей и схватят зазевавшегося в постели Гулливера, чтобы утащить его куда-нибудь далеко, где не будет теплой воды в душе, геля для бритья с запахом мяты, мягкого махрового полотенца и завтрака, где не будет ничего хорошего, за что платят огромные деньги.

Ла-ла-ла-ла-ла…

За окном серая карельская хмарь, свет едва пробивался сквозь занавески из золотой органзы, отбрасывая едва видимые всполохи на лепнине потолка.

Дальский, продолжая лежать, рукой нащупывал выключатель над тумбочкой – загорелся свет, подвески люстры из зеленого хрусталя начинали сверкать и переливаться. Алексей смотрел на стену спальни, где висела картина с изображением Ленина и Сталина, разрабатывающих план Октябрьской революции. На холсте полутемная комната, небольшой стол, на котором расстелена огромная карта со свисающими со стола краями, вероятно, план Петрограда. За столом сидит Ленин, устремив огненный взор на карту и ничего, как видно, не понимая в ней. Но рядом стоит Сталин в мундире, с трубкой в руке и невозмутимо, с едва различимой усмешкой под густыми усами, рукой, свободной от трубки, указывает Ильичу направления главных ударов. На груди у Сталина почему-то сверкает звезда Героя Советского Союза.

Впервые зайдя в спальную и увидев эту картину, Дальский поразился. Даже вслух искренне произнес: «Ужас!» Но картина была в дорогой раме и написана в академической манере очень искусно. Автор, судя по всему, обучался живописи у хороших мастеров, да и сам был неплохим живописцем. Алексей посмотрел на латунную табличку: «Дм. Арк. Налбандян. «Сначала почта и телеграф, потом мосты и банки, а потом уже Зимний дворец, товарищ Ленин!»

Ла-ла-ла-ла-ла…

Охотничий домик олигарха в Карелии находился вдали от автомобильных трасс. Постоянно в доме проживали отставной прапорщик Махортов и его жена Люба. Обоим было за пятьдесят. Люба содержала дом, а муж ей помогал, в основном бросая уголь в топку котла. Когда прилетал Потапов, что происходило не так уж и часто – раз или два в год, Махортов сопровождал хозяина на охоту. Не один, разумеется, а с целым взводом охраны, которым командовал Герман Владимирович.

Вот и теперь олигарха доставили на вертолете, и отставной прапорщик не заметил подмены, что весьма порадовало главного телохранителя.

– Уже второй близкий человек не может вас отличить, – сообщил Герман Владимирович актеру. – Даже я иной раз забываю, что передо мной не Максим Михайлович, а ты.

Потапов познакомился с Махортовым после окончания института на офицерских сборах в Карелии летом 1991 года. Прапорщик был старшиной роты, а будущий успешный бизнесмен о военной службе вообще ничего не знал. Однако сразу после окончания сборов Степан Григорьевич Махортов почему-то пригласил малознакомого ему молодого человека с собой на охоту, и они весь сентябрь просидели в лесу возле какого-то озера, стреляя пролетающих уток. Данное обстоятельство заинтересовало Дальского. А потом он еще вспомнил, что по возвращении домой Потапов почти сразу женился на своей однокласснице Светлане Степановой, и в апреле следующего года у них родился сын Денис. Это тоже показалось необычным. Если Максима Михайловича в родном городе ждала любимая девушка, к тому же находящаяся в положении, то зачем ему целый месяц мотаться по болотам с каким-то прапорщиком? И вообще, если Денис родился в апреле, а офицерские сборы длились с конца июня, то…

Алексей загибал пальцы и не понимал. Хотя, может, Потапов вырвался со сборов на несколько дней домой? Или хотя бы на одну ночь? Впрочем, Дальского не должны касаться такие подробности из жизни олигарха: он получал свой гонорар не за размышления о всяких нестыковках в ней, а совсем за другое. В том числе, может, даже за то, чтобы не совал свой нос в чужие дела.

Когда актер вышел из вертолета и поздоровался с Махортовым, тот удивился:

– Ты разве не на охоту прилетел, Максим? Что-то уж больно мало с тобой людей.

– Сходим, разумеется, – ответил Алексей, – хотя особого желания нет. Не то настроение.

– Хозяин – барин, – хмыкнул бывший прапорщик.

На охоту Дальский все-таки пошел. Вернее, его повезли на лодке с тентом. Борта лодки оказались низкими, вода плескалась совсем рядом. Алексей сидел, набросив на голову капюшон куртки, и смотрел на предрассветный мир сквозь бесполезные очки, которые к тому же запотели. На веслах сидел один из охранников, на корме поскуливали в ожидании работы два спаниеля. Стрелять и убивать какое-либо зверье Дальскому не хотелось вовсе. Он закрыл глаза, и почти сразу к нему пришел сон. Вернее, вернулся тот самый, что был утром прерван звонком писклявого будильника.

Алексей увидел себя нынешнего, отнюдь не молодого, но в неуклюжей форме новобранца, сидящим перед большим зеркалом и готовящимся к тому, что сейчас машинкой под ноль уберут его роскошную шевелюру. Увидел и удивился. Испытал недоумение и страх. Как так, все это было давно, он ведь отслужил свое! Неужели его призвали снова, и опять случится то, повторения чего ему не хотелось более всего на свете? Нет, не просто не хотелось – чего он боялся, как проклятия…

И вот Алексей сидит, парализованный страхом, перед зеркалом, а в отражении к нему подходит молоденькая девушка в синем платьице с белым передничком.

Девушка улыбается и шепчет: «Не бойся ничего, любимый».

А он смотрит на нее и не узнает.

Незнакомка начинает гладить его по голове, и Алексей, успокоенный, закрывает глаза, хотя слышит, как заработала состригающая волосы машинка…

Усилием воли распахнув глаза, он вглядывается в зеркало и внезапно видит себя молодым. Причем с длинными мягкими волосами, каких у него отродясь не было.

А девушка стоит за его спиной и вся светится, сияет так, что лица не видно. Что-то шуршит совсем рядом…

Дальский вздрогнул и проснулся. Равнодушно посмотрел, как лодка въехала в заросли озерного тростника.

– Сейчас полетят, – предупредил Махортов.

Алексей не хотел никого убивать. Самым сильным его желанием сейчас было снова уснуть и опять увидеть такое доброе лицо незнакомки и запомнить навсегда.

Небольшая стайка уток пронеслась над осокой. Махортов вскинул ружье и выстрелил дуплетом. Две утки шлепнулись в воду.

– Ну! – крикнул бывший прапорщик.

Алексей вскочил на ноги и тоже вскинул ружье. Даже не пытаясь прицелиться, выпустил вслед испуганным птицам оба заряда. Одна из уток упала на воду и забила крылом. Спаниели бросились в озеро.

– Ты как-то по-другому стрелять начал, – произнес прапорщик, перезаряжая свое ружье. – Всегда правый локоть на весу держал, а теперь к груди прижимаешь.

Подплыл спаниель, таща перед собой бьющуюся в агонии добычу.

– Молодец, Филя! – похвалил собаку Махортов. Наклонился, принял добычу и тут же свернул утке шею.

– Все, – прохрипел Алексей, чувствуя, что его сейчас вырвет, – домой поплыли!

Прапорщик взглянул на него удивленно. И тогда Дальский закричал неизвестно чьим голосом:

– Домой, я сказал!

Вечером Дальский сидел в гостиной вдвоем с Германом Владимировичем. Обиженный Махортов ушел на охоту на какое-то Гусиное озеро, где располагалась охотничья избушка, сказав, что вернется через неделю. Телохранители парились в бане. Трещали дрова в камине, в просторной комнате было жарко, но актера время от времени сотрясал озноб. Герман Владимирович подливал ему виски и о чем-то рассказывал. Алексей его слышал, но вникать в слова даже не пытался.

– Зря человека обидел, – наконец донеслось до его сознания. – Степан – мужик неплохой. С ним только о Чечне говорить нельзя, у него сразу башню сносит.

– А зачем мне с ним о Чечне говорить?

– Ну, мало ли, – пожал плечами собеседник, – ты ведь тоже там был. Нам же известно, откуда у тебя орден Мужества и за что. А у прапорщика там сын погиб, вернее, без вести пропал. Степан рапорт подал тогда, чтобы попасть на войну и сына отыскать. Не нашел. Но воевал так, что списали его со службы. Почти год в дурке провалялся. Потом Максим Михайлович этот дом построил и переселил бедолагу сюда. Вроде мужик оклемался немного.

– А за что Потапов так его ценит?

Герман Владимирович молчал. Потом выпил залпом рюмку виски, которую наполнил для Дальского, вытер губы ладонью, поставил пустую рюмку на стол, посмотрел на огонь в камине, покашлял и только тогда ответил:

– Прапорщик Максиму Михайловичу жизнь спас.

На следующий день Люба сходила к мужу и вернулась от него с двумя гусями. Положила мешок с дичью на стол перед Дальским и сказала, явно чем-то недовольная, вероятно, тем, что миллиардер обидел ее мужа:

– Отправьте в Москву жене и Дениске.

– Какая женщина! – восхитился Герман Владимирович. – По лесу пехом пятнадцать верст туда и обратно столько же!

Вечером он возвращался в Москву. До посадочной площадки было не больше сотни шагов, и Алексей проводил его до вертолета, надеясь напоследок узнать самое важное для себя, прояснить то, что не давало покоя. Но все не решался заговорить. Герман Владимирович тоже не проронил ни слова.

Лишь когда завели двигатели и винт начал вращаться, актер не выдержал:

– Герман, скажи честно, на Потапова уже было покушение, да? Поэтому я и понадобился?

– Нет, не поэтому, – покачал головой главный телохранитель олигарха. – Хотя вообще-то обстреляли бронированный «Бентли» из «калаша» на трассе, из-за кустов. Мы шли под сто шестьдесят, и если бы не броня, неизвестно, что было бы. Мои ребята развернулись, тут же подскочили к тому месту, но стрелок на мотоцикле по лесу на другую трассу проскочил. Это под Москвой случилось…

Двигатели вертолета гудели, потому обоим приходилось кричать.

– И чего теперь?

– А ты хочешь отказаться от работы? – крикнул Герман.

– Нет.

– Ну и все! Дурак какой-то пальнул и смылся. Профессионалы так не работают.

Герман Владимирович закинул в вертолет мешок с убитыми гусями и протянул Алексею руку.

– Пока. Посиди здесь еще недельку. Здесь-то тебе точно ничего не угрожает.

Утром Дальского разбудило не пиликанье будильника, а чье-то прикосновение. Еще не проснувшись окончательно, Алексей подумал, что его пытается разбудить Нина, и отмахнулся:

– Отстань…

В комнате было темно, сквозь предутреннюю хмарь на фоне едва различимых обоев колыхался массивный силуэт. Актер приподнялся, еще не понимая, кто перед ним.

– Слышь, Михалыч, – прозвучал хриплый голос человека, пытающегося говорить шепотом и не умеющего это делать, – ты, это… не обижайся на меня…

Это был Махортов.

Алексей сел в постели, посмотрел на светящиеся цифры будильника: 06.50.

– Включи люстру!

Степан Григорьевич метнулся к стене. Вспыхнул свет, и Дальский зажмурился, поморщился.

– В такую рань разбудил…

– Так все равно тебе скоро вставать, а я заснуть которую ночь не могу – переживаю за свою глупость.

Тут же в дверь постучали, и в комнату вошла Люба с подносом, на котором стоял кофейник и позвякивало о блюдце донышко чашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ekaterina-ostrovskaya/sverh-otpuschennogo-sroka

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить